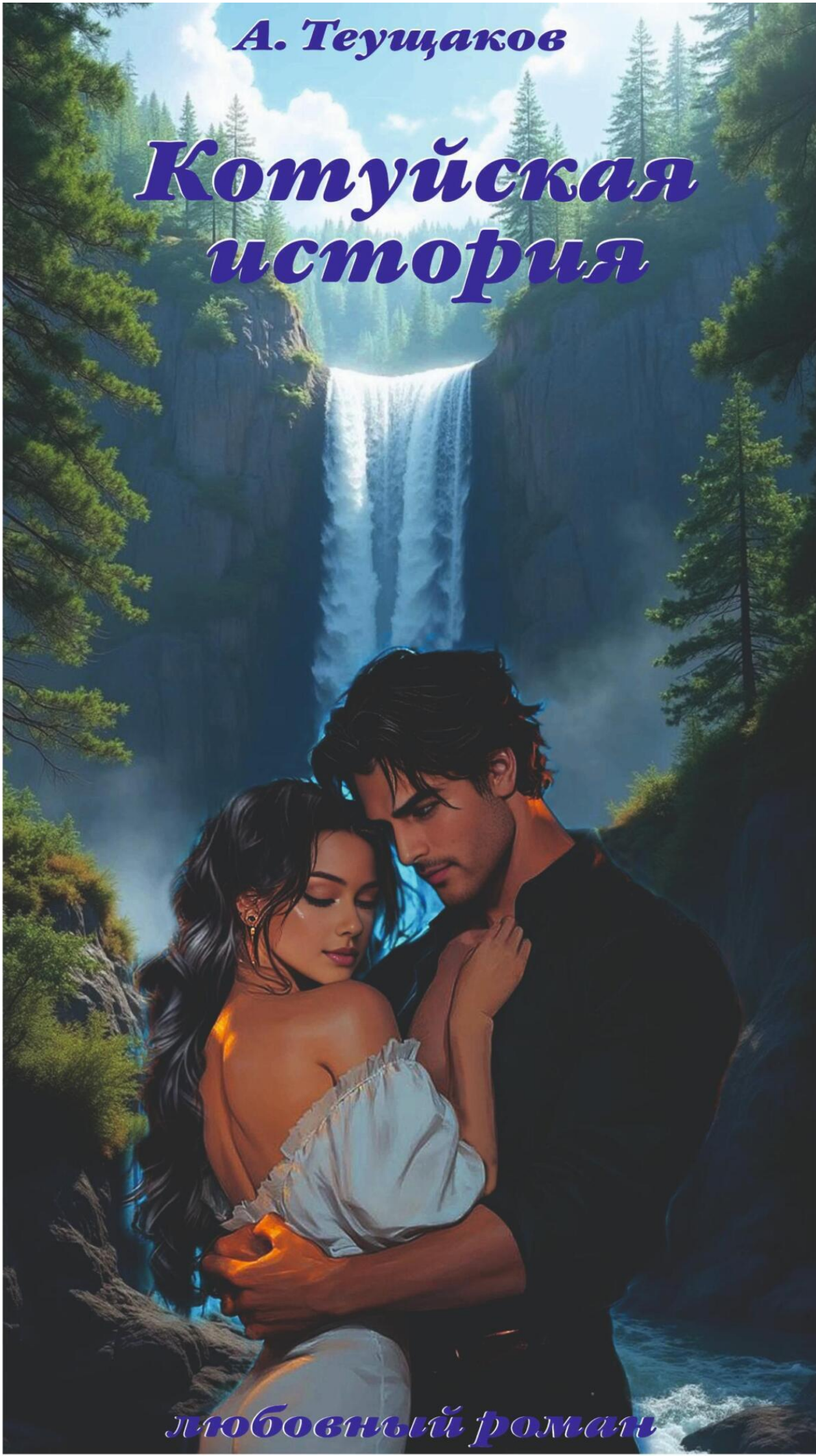

А. Теуцаков

Котуйская история

любовный роман

Александр Теущаков
Котуйская история

«Автор»

2023

Теушаков А. А.

Котуйская история / А. А. Теушаков — «Автор», 2023

Судьбоносная история любви Алексей и Галина – два полюса, соединенные глубокой, но мучительной любовью. Они встретились в момент, когда жизнь послала им испытания, которые казались непреодолимыми. Любовь молодых была крепче обстоятельств, но судьба решила поиграть с их чувствами. Потеряв Алексея и, веря, что их любовь может преодолеть любые преграды, Галина отправляется на север в поисках Алексея, у которого не остается никаких вестей о любимой. Суровая судьба дает им второй шанс, когда они встречаются вновь, но радость этого мгновения быстро омрачается трагическими событиями. Каждый из них убежден, что оба мертвы. Галина решает продолжать жить ради их общего сына, а Алексей теряет смысл жизни. Их чувства столь сильны, что даже разлука не способна стереть любовь. Возможность встречи всегда остается, но цена этого воссоединения может быть высока.

© Теушаков А. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Теушаков

Котуйская история

Судьбоносная история любви

Алексей и Галина – два полюса, соединенные глубокой, но мучительной любовью. Они встретились в момент, когда жизнь послала им испытания, которые казались непреодолимыми. Любовь молодых была крепче обстоятельств, но судьба решила поиграть с их чувствами.

Алексей, дерзкий, но запутавшийся парень, ожидает от жизни чего-то большего, но сталкивается с суровыми реалиями.

Галина, изящная, полная надежд на романтическую любовь.

Потеряв Алексея и, веря, что их любовь может преодолеть любые преграды, она отправляется на север в поисках Алексея, у которого не остается никаких вестей о любимой.

Суровая судьба дает им второй шанс, когда они встречаются вновь, но радость этого мгновения быстро омрачается трагическими событиями.

Каждый из них убежден, что оба мертвы. Галина решает продолжать жить ради их общего сына, а Алексей теряет смысл жизни.

Их чувства столь сильны, что даже разлука не способна стереть любовь. Возможность встречи всегда остается, но цена этого воссоединения может быть высока.

Галина ищет в себе силы, чтобы воспитывать сына и продолжать жизнь, сохраняя память о любви. Алексей, в свою очередь, должен изменить свою безысходность и не потерять веру.

История Алексея и Галины полна надежд и страданий. Это напоминание о том, что даже в самых сложных обстоятельствах любовь может найти путь к свету. Будущее неопределенно, но вера в лучшее всегда остается.

Часть 1

Непрощенные

Глава 1

Штрафник

Подходила к завершению Вторая Мировая война. В начале мая 1945 года в некоторых землях Германии до сих пор сопротивлялись разрозненные войска Вермахта: особенно эсэсовские формирования, которые вгрызаясь в землю, не желали отдавать противнику не единого клочка немецкой земли. Бойцам Красной армии приходилось с трудом освобождать от фашистов укрепрайоны.

К тому времени рядовой Николай Борисов отбывал срок наказания в штрафной роте, куда попал два месяца назад за оскорбление командира. В силу своего справедливого характера, Николай сделал замечание капитану по поводу его некомпетентности в вопросах разведки и что нельзя подвергать жизни бойцов смертельной опасности. Разговор произошел при свидетелях и капитан в резкой форме одернул, будто бы зарвавшегося рядового. Николай, с присущей ему дерзостью ответил на нелепые обвинения командира. Завязалась словесная перепалка в ходе которой Борисов выставил капитана перед подчиненными круглым идиотом. Дело закончилось рапортом и последующим судом военного трибунала. За нарушение субординации и оскорбление офицера Борисова приговорили к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, но в связи с дополнением к статье приговор Николаю отсрочили и направили в штрафную роту.

Второй месяц пребывал Борисов в разведотделении: за наблюдательность, способность быстро реагировать и принимать самостоятельные решения, ротный назначил его командиром отделения.

Разместившись в блиндаже кадровый офицер капитан Косицын и корректировщик огня попеременно наблюдали в стереотрубу за обстановкой на вражеской высоте и небольшим леском, расположенным на правом фланге. Капитан сопоставлял сведения, добытые ночью во время вылазки двух разведывательных групп. Обстановка в лагере противника вырисовывалась следующая: в середине главной траншеи и с обоих флангов рассредоточены пулеметы. В глубине расположения немцев размещены два-три минометных расчета. Орудий не наблюдалось, а вот укрывшиеся в леске вражеские солдаты тревожили командира не меньше, так как при наступлении бойцов Красной армии они способны уничтожить их пулеметным огнем. По всей вероятности в ближайшее время Косицын получит приказ о наступлении и бойцам штрафной роты предстоит с боем взять высоту, находящуюся в четырехстах метрах от расположения передового окопа. Пока войны будут перебегать через открытое поле, безусловно, окажутся под интенсивным огнем противника.

Стрелковый полк, в котором до приговора служил Борисов, рассредоточился в тылу, а штрафрота, как боевой кулак окопалась на передовом участке. На тот момент высота имела стратегическое значение и если немецкое командование разместит на ней тяжелое вооружение, то прохождение частей Красной армии по главной дороге намного затруднится.

И вот, приказ к наступлению наконец-то поступил. Как положено перед штурмом Бог войны – артиллерия заговорила орудиями разного калибра, плотно накрывая снарядами окопавшегося на высоте противника и небольшую открытую равнину. Разрывы снарядов взрывляли весеннюю землю, укрытую зеленой травой. Равнина, не превышавшая и половину гектара, за считанные минуты превратилась во вспаханное поле.

– Рота, после артобстрела приготовиться к атаке, – над передовой позицией разнеслась команда капитана Косицына.

– Товарищ командир, разрешите обратиться, – козырнул под пилотку сержант Сергеев.

– Давай, что у тебя там, да только побыстрее.

– Как вам известно, наша разведка донесла, справа в лесочке укрылся немецкий пулеметный расчет, если мы его не уничтожим, наши бойцы попадут под кинжальный огонь.

– Я рассчитываю на внезапность и быстроту наступления. После бомбежки фрицы еще не очухаются, мы успеем проскочить опасный участок и ворвемся на высоту, – ответил капитан.

– Эй, начальник, ты что, не врубаешься, тебе же «Сергея» сказал, фашисты нас всех в преисподнюю отправят, – возмутился штрафник Охримов, один из авторитетных среди бывших уголовников в роте.

– Ты у меня сейчас договоришься, вошь прибалтывающая. Охримов, попомни мое слово, останешься в живых, без сожаления отправлю в особый отдел, в лагерь вернешься.

– Кто нас поугубает – на того мы закладываем, – недовольно пробурчал Охримов.

– Что?! Да, я тебя сейчас без суда и следствия за отказ выполнить приказ, – командир штрафроты потянулся к кобуре.

– Товарищ командир, разрешите обратиться, а ведь Сергеев дело говорит, – между Косицыным и Охримовым встал молодой боец командир разведотделения Борисов, – а если я с бойцами еще раз прочешу лесок.

– Для этого слишком мало времени.

Заметив недовольство на лице командира, Борисов, с просящими нотками в голосе, мягко добавил:

– Ну, товарищ командир, пока артобстрел не закончился, мы быстренько пройдемся по лесу и если немчуры не успели убраться, забросаем их гранатами.

Косицын убрал руку с кобуры, еще раз злобно зыркнул на Охримова и обратился к разведчику:

– Да где ж вы сейчас их найдете, ты посмотри что творится?

– Товарищ капитан. Я так думаю, если немцы выбрали хорошую позицию, то затаятся. Уничтожим, значит, поможем нашим бойцам, а если наша артиллерия спугнет их с места, и они попытаются выйти из леса, окажутся у вас под прицелом.

– Надо было нашей разведгруппе сразу их уничтожить, сейчас бы не ломали головы. Ладно, Борисов, возьми с собой двух расторопных бойцов из своего отделения, и с правого фланга зайдите в лесок. Но учтите, времени у вас будет в обрез, как только артобстрел закончится, я скоманую наступление, ждать вас никто не будет. Будьте осторожны, не попадите под наши снаряды.

Николай, кивнув своему закадычному другу Алексею и еще одному надежному бойцу из отделения, первым устремился по окопу. Заскочив в блиндаж и, получив трофейные гранаты с удлиненными ручками, друзья побежали по извилистой траншее. Бойцы в конце окопа приветливо пропустили группу и, приоткрыв заграждение из колючей проволоки, проводили взглядами разведчиков-диверсантов. Три фигурки в защитных масках, извиваясь, словно змеи, вскоре скрылись в близлежащем леске.

Примерное расположение немцев было известно, потому до места добрались быстро. Но, как и предполагал Борисов, противник уже снялся, зато оставил после себя уйму следов. Отпечатки обуви вели вглубь леса. На косогоре на голой земле Николай по следам определил, немцев было трое, плюс естественно экипировка, боекомплект и возможно пара пулеметов. Молча движением руки, показал друзьям, чтобы разошлись в стороны. Ближе к высоте доносился гул от рвущихся снарядов. Николай, пройдя сто метров, приложил пальцы к губам, и как его учил старшина в полковом отделении, по-птичьей звонко защебетал. Жестами указал рукой вперед и все залегли. Борисов пополз первым и вскоре заметил трех немцев, облюбовавших небольшую ложбинку. Они затаились, пережидая артобстрел. Тихо, чтобы не встревожить противника, подкрались ближе и приготовились к бою. По команде Борисова метнули гранаты и немецкий расчет вместе с испорченными пулеметами, разметало в разные стороны. Разведчики, осмот-

рев погибших немцев, забрали у них имеющиеся оружие и кое-какие боеприпасы. Следуя указаниям командира группы, Алексей и Михаил двинулись в сторону высотки. Приближаясь к окраине леса, группа заметила в ста метрах от себя бруствер передового окопа противника. Внезапно вдалеке стихли пушечные хлопки полковой артиллерии и перестали рваться снаряды.

Тем временем в передней траншее красных войск происходило оживление. Штрафники перед атакой испытывали сильное душевное волнение. Те, кто неоднократно побывали с бою, привыкли, но необстрелянные, откровенно говоря, побаивались.

Наблюдая за напряженными бойцами, капитан Косицын отыскал взглядом рядового штрафника и махнул ему рукой. Боец высоким, твердым голосом запел знаменитую среди штрафников песню:

По пыльной дороге устало,
Рота штрафная идёт...
Лица нахмурены, брови суровые,
Только вперед и вперед, – некоторые бойцы подхватили припев:
Искупленье нас ждёт...
Боец продолжал:
Кто там, кто там захныкал,
Вспомнил жену или мать –
Ты не один, а нас целая рота,
И каждый готов умирать...

Внезапно раздалась команда, прервав песню:

– Рота, за Родину, вперед! – и по всей протяженности передового окопа послышался крепкий русский мат. Со всех сторон доносилось устрашающее: Гу-га! Гу-га! Гу-га!

Вновь прибывшие штрафники по привычке выкрикивали – Ура, но позже узнав историю выражения Гу-га, присоединились к общей массе. Зэки, как правило, берут на понт, а в данном случае новый оборот слов стал пугающим, неожиданным и в штрафроте психологически не уступал восклицанию – Ура.

Как только со стороны красноармейских окопов в небо взметнулась сигнальная ракета, разведчики уже огибали высотку на правом фланге. По-пластунски бойцы подобрались к немецкой траншее. Отвлеченные, поднявшимися в атаку красными бойцами, немецкие дозорные просмотрели перемещающихся вражеских солдат на фланге. Заговорили немецкие пулеметы, поливая раскаленным свинцом стремительно рвущиеся цепи бойцов. Вражеские мины с жутким воем, падая с «небес», разрывались в расположении наступающей роты. Атака захлебнулась. Бойцы падали в образовавшиеся от снарядов воронки, а кто не нашел укрытие, старался прижаться к земле. Молодой штрафник, упав, заметался из стороны в сторону, ища безопасное место. Увидев перед собой безжизненное тело бойца, сраженного пулей, спрятался за него в надежде переждать плотный огонь.

Не переставая, работали три пулемета, не давая бойцам Красной армии поднять головы. Немцы с остервенением били по трупам, чтобы смертоносные пули наверняка добрались до живых солдат.

– Пацаны, – обратился Коля к друзьям, – нам надо ворваться в окоп и уничтожить крайнюю пулеметную точку, а затем по возможности накрыть следующий расчет.

По команде Борисова разведчики по-пластунски заскользили к вражескому окопу, и как только за их спиной прозвучала повторная команда красного командира, во вражескую траншею полетели гранаты. «Боже, как это вовремя! – подумал Николай, заметив, как красноармейцы, поднявшись с земли, устремились к высотке.

На правом фланге ожесточенно работал вражеский пулеметчик, стали падать красные бойцы, сраженные пулями. Внезапно в середине и с левой стороны окопа, стрельба прекратилась, только стрекочущие очереди шмайсеров, да одиночные винтовочные выстрелы все реже и реже доносились из немецкой траншеи. Позади штрафников запоздало разорвались мины, выпущенные немцами впопыхах.

Поле было усеяно трупами солдат. Капитан Косицын зорко присматривался к убитым и раненым и, заметив за ними прятавшихся бойцов, пригрозил пистолетом. Подозвав своего заместителя, командир приказал:

– лейтенант, возвращайся в окоп и пинками выгоняй трусов обратно. Не забудь пересчитать и запомнить фамилии, после боя им достанется.

Замком роты в сопровождении двух бойцов, вернулся на исходные позиции и, заглянув в блиндаж, увидел с десятка полтора штрафников. Пришлось покрыть их отборным матом. В ответ раздались угрозы и матерки. Так и есть, Охримов и его кодла решили отсидеться до конца боя. Направив ствол «ТТ» под ноги штрафников, лейтенант резко скомандовал:

– Быстро на поле боя!

– А ты нас не пугай... Мы уже тертые. Лучше на нарах срок оттарабанить, чем гнить на этом поле... – заговорил Охримов, напуская на себя важность.

– Последний раз предупреждаю, пока я вас не расстрелял, быстро идите в наступление.

Но увидев, как Охримов жестами подбадривает своих корешей, мол, нас страшат, стараются запугать, лейтенант сделал три выстрела из пистолета под ноги штрафников. Сопровождавшие его бойцы направили стволы автоматов им в грудь, готовые по приказу всех положить.

– Следующей пулей я продырявлю шкуру самого трусливого из вас, – замком роты прицелился в Охримова.

Штрафники моментально выскочили из блиндажа и, поругиваясь, стали переваливаться через бруствер. Зигзагообразными перебежками поспешили догнать последних солдат.

Запрыгнув во вражеский окоп, Николай увидел направленный на него ствол автомата. Опередив на доли секунды вражеского солдата, прикладом отбил оружие и со всей силы ударил его в лоб, а друг Алексей этому же немцу всадил в живот штык-нож. Николай поднялся во весь рост и за изгибом траншеи увидел несколько вражеских солдат. Быстро перезарядив диски с патронами, бойцы присели на корточки и с трех стволов ППШ¹ полоснули свинцовым дождем вдоль траншеи. Вслед за очередями полетели оставшиеся гранаты. Замолчал второй вражеский пулемет. Часть окопа была освобождена от вражеских солдат. Николай вскочил и ринулся вперед, как вдруг почувствовал сильный удар в левое плечо. От боли парализовало тело. Перед глазами поплыли лица немецких солдат, остервенело обороняющиеся от прыгающих на них с бруствера красноармейцев, затем ноги потеряли под собой почву и Николай, потеряв сознание, упал на дно траншеи.

Очнулся Борисов в полевом лазарете в большой четырехугольной палатке, лежа на операционном столе. В нос резко ударил запах нашатыря. Возле него суежилась молоденькая медсестра, а врач-хирург готовился к операции. Рядом возился пожилой мужчина-солдат в оборванной телогрейке, помогая раненному бойцу лечь на носилки.

– Ну что, солдат, очнулся, – миролюбиво сказал врач, поглаживая Николая по голове, – потерпи чуток, сейчас достану пулю из твоего плеча. Приедет машина, и отправим тебя в госпиталь.

Пока хирург протирал руки спиртом, готовясь к операции, сестра обработала рану йодом. Налив в кружку спирт, разбавила его немного водой и предложила Николаю как обезболивающий препарат.

¹ ППШ – пистолет-пулемет Шпагина

– Доктор, может до госпиталя потерпеть? – умоляюще произнес Николай, глядя, как хирург берет в руки скальпель и пинцет.

Медсестра ласково взглянула в глаза раненному бойцу и успокаивающе сказала:

– Потерпи родной, рана не такая уж опасная, Николай Фомич мигом достанет пулю, он у нас в этом деле большой мастер.

Николай, застеснявшись симпатичной девушки, сомкнул веки, давая понять, что готов. Крепкий спирт уже действовал и туманил разум, раненый не так сильно почувствовал боль, когда скальпель прикоснулся к коже, но как только хирург проник вглубь пинцетом и нащупал пулю, Николай дернулся всем телом. Санитар и сестра, ухватив его за руки, придавили к столу. Как и обещала симпатичная медсестра, операция закончилась быстро и успешно. Николай открыл глаза и, увидев, что хирург собирается выбросить пулю, попросил

– Можно оставить ее себе на память?

Врач кивнул и, не снимая повязки, обратился к сестре:

– Любаша, перевяжи бойца и налей ему еще спирта, а я пока осматриваю следующего. Не забудь перед отправкой отдать ему амулет.

Ближе к вечеру подъехали две санитарные машины и раненных бойцов, осторожно переместили в кузов для отправки в госпиталь. Люба бережно поправила под головой Николая телогрейку и на прощание сунула ему в руку пулю, извлеченную из плеча.

Через два дня к Николаю в госпиталь пришел друг Алексей и принес гостинцы от сослуживцев из разведотделения.

– Ну, как себя чувствуешь?

– Со спиртом потянет, – отшутился Николай.

– Колек, а знаешь, командир за тебя хлопчет перед начальством, – с искорками в глазах весело сказал Лешка, – я слышал, он рапорт подал, чтоб тебя досрочно освободили и снова в полк направили. Ты же геройский подвиг совершил.

– Да ладно, я не один там был, а тебя с Мишкой разве командир решил обделить?

– Нас же не ранило. Хотя, может и нас освободят, а тебе орден обеспечен железно.

– Ага, разбежались, если только орденом «Сутулова» наградят, – усмехнувшись, высказался Николай, – письма были?

– Нам с тобой не было. Мишке из Ленинграда казенная бумага пришла, правда запоздалая. Колек, прикинь, у него там мать и трехлетняя сестренка с голоду померли, а батька под Киевом в бою погиб, теперь наш Мишка, совсем сиротой остался.

– Да, если б не война проклятая, – тяжело вздохнул Николай, потирая ноющее от боли плечо, – может, и наша жизнь по-другому бы пошла.

– Точняк, Колек, я бы с голодухи не полез за картошкой на овощной склад, а ты бы не прогулял смену на заводе. Спасибо родной стране, влупила нам срока по самое не хочу.

– Ты хоть за кражу в тюрьму попал, а я за что? – возмутился Николай, – какой гад только выдумал, чтоб за прогул пацанов судить. Обидно было до слез, я ведь по уважительной причине прогулял, мамка сильно захворала, а мне в другой конец города нужно было за лекарством смотаться. Да разве следаки послушали, хоть я тогда малолеткой был, впарили статью за самовольный уход с военного производства. У нас в цехе столько пацанов и девчонок на войну работали, иногда по десять часов стояли, привязанные к станкам.

– Коль, а тебя в лагерь отправили или сразу в армию призвали?

– Ты что с Луны свалился, я почти год отсидел, только потом в спецчасть подал заявление на фронт. Пока восемнадцать не стукнуло, два раза отказывали. Знаешь, как я опешил, когда начальник лагеря меня к себе вызвал, там у него какой-то капитан сидел, он как раз набирал эков на фронт. Мне повезло, в штрафроту направили. Меня к четырем годам приговорили, а заменили месяцем штрафроты.

– Этот месяц еще как-то надо было продержаться, – со знанием дела, сказал Лешка.

– Верно, говоришь, иного после недельного пребывания убивало.
– Выходит, Колек, ты уже второй раз под раздачу попал.
– Да, если бы не поправка к статье и не награды, отправили бы на этот раз в лагерь, а ни в штрафроту.

– Странно, ты мне об этом не рассказывал, – удивленно заявил Лешка.

– Разве?

– Нет-нет, ты запамятовал, – но, чтобы сменить разговор, продолжил, – Коль, поговаривают, сам Рокоссовский у Сталина за штрафников просил, чтоб за ранение снимали с них судимости.

– Леха, не смей меня, чтобы снять судимость, надо годы ждать. А хотя бы и снимут, нам от этого не легче, у власти к штрафникам такое отношение, на всю жизнь клеймо поставили, со скотиной и то лучше обращаются, – Николай тяжело вздохнул.

– Не переживай, рано или поздно все равно суд простит весь позор смоешь.

– Не глупи Леха. В чем я провинился перед своей мамой, соседями, наконец, перед родной, я что, предал кого-то или струсил перед врагом? Разных людей встречал, некоторые оружие бросали, руки поднимали, жить хотели, в плен сдавались. А другие – пулям не кланялись, жизни не жалели, так вот, я из той породы. Пусть меня лучше убьют, но живым не сдамся.

– Ну и дурак, мамке ты мертвый не нужен.

– Ты считаешь, что лучше в плен сдать. А ты готов после этого пройти пару кругов ада?

– В смысле?

Николай огляделся по сторонам и перешел на шепот:

– После плена в гитлеровском аду, по сталинскому указу обязательно попадешь в другой ад.

– Коль, но жить-то все равно хочется.

– Лешка, война тому не страшна, кто на передовую не попадет, ему бояться нечего. Это наверху разные указы, законы выдумывают. Знаешь, что меня бесит? Меня, пацана семнадцатилетнего, как закоренелого жульмана в лагерь отправили. Я еще тогда решил для себя, попаду на фронт, лучше в первом бою погибну, чем годами буду хлебать лагерное дерьмо. Я начальникам не боялся говорить правду в глаза, так ведь они меня в изолятор столько раз закрывали, потому моими заявлениями – пойти на фронт, подтирались. Таких как я, в лагере было полно, многие на фронт рвались, но собаки вертухаи твердили одно: «На нарах победу будете встречать – твари!» Благо капитан, составлявший список эков, подавших заявление на фронт, глянул на меня и почему-то дал добро.

– Ты бы сейчас со стороны себя увидел, у тебя глаза, как у разъяренного быка.

– Что, правда?

– Конечно, потому вертухаи тебя на дух не переваривали, от одного взгляда их в дрожь бросало.

– Да ладно заливать-то, – засмеялся Колька, но снова потер больное плечо.

– Что, побаливает?

– Есть немного, ну, ничего, до свадьбы заживет.

– А когда свадьба? – хитро прищурившись, спросил Лешка.

– Ты оглумел, что ли, у меня и невесты-то нет.

– А сестричка из полевого госпиталя?

– Нет, Леха, ты действительно офонарел, с какого боку я к ней должен прилипнуть.

– Ну, она же тебе понравилась?

– И что, война кругом, а ты о какой-то женитьбе? Слушай, брось об этом говорить.

– Ладно, ладно, Колек, я пошутил, просто, когда тебя увозили в госпиталь, я глянул на вас и подумал, это – судьба, ты так на нее смотрел.

– Как, с благодарностью?

– Не, у тебя взгляд был, словно ты со своей любимой прощаешься.

– Лешка, у нее таких как я на дню по десять «женихов». Хватит заливать, лучше сделай самокрутку, курить охота ажно уши опухли.

– Ёлы-палы! – спохватившись, воскликнул Алексей и, вытащив из кармана гимнастерки пачку папирос, протянул другу, – держи, это тебе ротный передал.

– Вот это да! – обрадовался Николай, – лучше награды нет, поблагодари его от меня за курево.

Друзья расстались в надежде, что скоро снова увидятся. Через две недели через репродуктор по всему госпиталю диктор Левитан объявил, что Германия капитулировала. В палатах, в коридоре поднялся невообразимый шум: больные, словно родные обнимались, целовали друг друга. Кто-то, не стесняясь, слёз, заплакал, а один больной, не смотря на ранение в ногу, подхватил медсестру и с костылем закружил с нею в танце. Кругом бушевало веселье, пожилой солдат взял с подоконника гармонь и, растянув меха, заиграл задорную мелодию. Тут же появилась походная фляжка, наполненная спиртом и под счастливые возгласы, полилось горячительное в алюминиевые кружки. Только с наступлением ночи раненные утомнились. Спать не хотелось, бойцы мечтали о скором возвращении к родным и близким. У кого остались дома семьи, тому посчастливилось, а кому-то не повезло, во время войны они потеряли всех родных и никто их не ждет, иные вернутся на пепелище или в разрушенные врагом дома.

Николай тоже мечтал: вот вернется к своей матушке в Москву, в Филевский район, в Юный городок, и заживут они счастливо в деревянном бараке, откуда власть отправила его в лагерь. Николай тяжело вздохнул, накатили невеселые мысли: «Вот и закончилась проклятая война, может изменится жизнь, не будет на заводах сумасшедшего плана и жестокого режима, когда нас за прогулы сажали. Да чего там за прогулы, за опоздание срока давали! – мысли невольно переключились на Юный городок, – интересно, по соседству Аня жила, симпатичная такая девчужка, правда она еще молоденькой была, но я замечал, она очень приветливая. Наверняка за эти годы подросла, заневестилась. Боже! Как все-таки мне повезло, еще бы чуть ниже и в самое сердце... Ничего, до дома рана заживет как на собаке».

Николай достал из кармана халата пулю и, зажав между большим и указательным пальцем, покрутил и улыбнулся.

– Что браток, неужели из тебя достали? – спросил больной на соседней койке.

– Угадал, хирург из плеча вытащил, мне на память оставил, – с ухмылкой ответил Николай.

– Выбрось, говорят плохая примета осколки да пули оставлять.

– А я не суеверный, и к тому же, война закончилась, – весело подмигнув, сказал Николай.

– Как говорится: хозяин – барин.

По истечении недели в госпиталь приехали командир роты Косицын и майор из штаба дивизии. Поздравили разведчика Борисова и сообщили хорошую новость: в ближайшее время его дело рассмотрят в суде и Николая подчистую освободят. При разговоре присутствовал друг Алексей, он тоже надеялся на положительное решение суда.

Время шло к выписке, и Николай с нетерпением ждал, когда его переведут из штрафроты в действующие войска. Мысленно он уже собирался к отправке домой, но внезапно его вызвали в кабинет главного врача и, увидев там сидящего за столом тучного на вид майора, Николаю вдруг закралась в голову шальная, тревожная мысль: «Сейчас этот брыластый отправит меня домой, но только не в плацкартном вагоне».

– Ты у нас, откуда угодил в штрафники? – спросил офицер из особого отдела, просматривая личное дело Борисова.

– В стрелковом полку служил.

– За что командира роты оскорбил?

- В деле все написано.
- Без тебя знаю, что написано, я тебя спрашиваю, – грубо сказал майор.
- Я и сейчас повторю, что капитан тот круглым дураком был, кто его только комротой назначил...
- Ты опять за старое! – перебил Борисова особист, – все вы уголовники ушлые и дерзкие и откуда в тебе таком молодом столько наглости. На фронт сам просился?
- В лагере добровольно заявление написал.
- Ладно, это прошлые дела, а как ты на фронте в разведотделение попал?
- Меня туда перевели, во многих штрафроты есть разведка.
- Меня это как-то мало волнует, а вот почему уголовника без проверки допустили в разведку? Контакты с немцами были? Языка приходилось брать?
- Майор, к чему такие вопросы, есть командир роты, он все обо мне знает.
- Все, да не все.
- Ты о чем? – начиная нервничать, спросил Николай.
- Ты мне не тычь, щенок! Подвигом и былыми наградами хочешь прикрыться, не выйдет, мы таких быстро раскрывали.
- Каких таких?! Я что, по-твоему, когда в разведку ходил и с немцами якшался, – взбеленился Борисов.
- Молчать! Сопляк, ты с кем разговариваешь! Вот, бумага на тебя поступила, – майор достал из папки листок, – сомнения у органов имеются, как это ты дважды в штрафники угодил, да еще в разведку умудрился пролезть. Ты что думаешь, мы в носу пальцем ковыряем. Всех твоих дружков уже опросили и командиров кстати тоже. В общем, собирайся, поедешь со мной.
- За что, товарищ майор?
- По приговору военного трибунала, какой у тебя срок?
- Пять лет. Но мне же заменили двумя месяцами штрафроты и к тому же за ранение меня должны освободить...
- Должны, да не обязаны, – перебил майор, – ты поступаешь в распоряжение особого отдела.
- А как же госпиталь? Я же еще не долечился.
- Где надо, там и долечат.
- Начальник, война закончилась, что вам еще от меня нужно, я кровью смыл свое первое преступление... Прогул по вашим законам тоже преступление?
- Ты был судим по законам военного времени, как саботажник, потому Родина и отправила тебя под надзором ковать победу. Все, хватит разговоров. Сержант, – громко позвал майор. В кабинет вошел боец с малиновыми знаками различия, – вот сопроводительная, получишь его вещи и конвоируешь в штаб дивизии в особый отдел. Я еще здесь задержусь.
- Есть отправить, товарищ майор!

В жизнь Николая вновь ворвались арест и этап. Сначала был сгонный пункт в Германии, затем под суровым конвоем в забитом до отказа товарном вагоне с такими же, как он, путь лежал в конечный пункт назначения – «ПФЛ²». Там Борисова, не смотря на ранение, ждал нелегкий труд на стройке. Снова допросы оперативников и следователей, а затем этап в северный лагерь. Пока выясняли суть да дело, пришлось сидеть в холодном лагере, и только по истечении полутора лет на выездной сессии суда Николаю объявили, он приговаривается к четырем годам лишения свободы.

² ПФЛ – Проверочно-фильтрационный лагерь.

Сидя в промозглом бараке, Борисов размышлял: «Как же так случилось, почему меня не простили, снова унизили, по новой дали срок? Выходит, властям, такие как я не нужны на свободе, у них на нас совсем другие планы. Вот она – дармовая рабсила! А ведь нас – штрафников много, и тьма тьмущая осужденных несправедливо. Власть нас боится, мы не станем молчать и расскажем правду, как о нас вытирают ноги. Фронтовики штрафники для власти, что кость в горле, мы ей мешаем. Мы прошли тюрьмы, лагеря, штрафроты. Ярость кипит в груди, мы – непрощенные! Когда же, наконец, сменится власть этих безмозглых тиранов и на смену им придут нормальные люди? Эх, Родина, не нужны мы тебе, не любишь ты нас. Да будь оно все проклято!»

Глава 2

На Филевской стороне

Шел 1949 год. У Николая Борисова закончился срок отбытия наказания и в конце зимы бывшего штрафника с изломанной судьбой, освободили. Орден «Красной звезды» ему вернули и еще две медали – «За отвагу» и «Боевые заслуги». Он даже не предполагал, что по прибытии в Москву, ему долго придется получать разрешение на прописку в Филевском районе, где проживал с матушкой до первой судимости. Сто первый километр – всегда, пожалуйста, но чем ближе к центру, тем проблематично закрепиться в столице.

Детство и отрочество Николая прошли в Юном городке, который разделяли две улицы: Красная и Черная. Теперь же после войны Красную улицу в основном заселяли вернувшиеся после победы фронтовики. Зато Черная улица по убеждению власти, как была в старые времена бандитской, так и продолжала «воспитывать» молодежь в людском духе, а не по общественным законам и правилам. Николая тоже воспитала улица, заложив в его сознание такие ценности, как сплоченность, дружба и отстаивание правоты, что порою сталкивало в спорах людей Юного городка с представителями власти на местах, то есть с милицией.

Мама за годы войны заметно сдала, постарела. Сколько слез пролила, сколько ужаса испытала встречая почтальона, только бы не получить на сына похоронку. А когда письма от сына внезапно перестали приходить, горевала, думала погиб или пропал без вести, и только спустя полтора года письмо от Коленьки вернуло ее к жизни. «Господи, пусть в лагере, зато живой, – переживала мать, понимая, что сыну сломали жизнь, – а ведь за что? За то, что мне помог, когда я слегла от болезни, лекарство мне добывал. Как же это не справедливо! Ну, какой он преступник. Вон, соседский парнишка Сережка Резаков, не один раз уже в тюрьме побывал, правда он моложе моего Алешки, но, как говорится – молодой, да ранний. С виду вроде паренъто не плохой, однако ж, нейметя. Хоть и молод, да не сбил бы моего парня с пути, сын мой выходит, вроде как отрицает нынешние советские порядки, как «политический» считается, а Сережка Резаков все по карманам промышляет, да в карты играет, одним словом – уголовник».

В первый же день Николай поинтересовался у матери:

– Мам, помнишь в соседнем бараке девчонка жила, Аней зовут.

– Аннушка, да чтож не помнить-то, она до сих пор там живет.

– Вот здорово, я о ней частенько вспоминал. Не знаю почему, но запала она мне в душу.

– Вспоминал, говоришь, – мать заулыбалась, – а ты знаешь сынок, она ведь голубка всю войну тебя ждала, как увидит меня, спрашивает, как ты там, жив, здоров? Не знаю, может быть, и вышла бы за кого-нибудь замуж, но Сережка Резаков не дает никому даже взглянуть на нее. Намедни он такую драку устроил, пришли с Красной улицы парни, а один из них хотел к Ане посвататься, так Резаков ему так накостылял, насилиу убрался. С нашей-то улицы мигом парни с мужиками собрались.

– Почему ты решила, что Аня меня ждала, может просто спрашивала?

– Просто так сынок и чирей не садится, – пошутила мать, – я ее видела, разговаривала, между нами говоря, она сама мне призналась, что ты ей дорог. Так что сходи к ней сынок, поговори. Прошу, ты уж с ней поаккуратнее, больно девочка еще молодая...

– Мам, ты что, я ее не обижу.

– Иди-иди, я же вижу, и у тебя к ней душа лежит, – с улыбкой сказала мать.

Когда Николай подходил к Аниному бараку, то увидел, как на крайнем окне колыхнулась занавеска, стало понятно, за ним велось наблюдение. Он улыбнулся и почувствовал, как

усиленно забилося сердце. Вот и самая крайняя дверь, которая вдруг мгновенно распахнулась. Николай оторопел, когда вместо девочки, выскочившей из сеней, увидел стройную, симпатичную, белокурую девушку, одетую в потертую цигейковую шубку, ее голову покрывала серая шаль. Глаза, нос, губы, казалось, остались прежними, но за прошлые годы Анна сильно повзрослела. Она остановилась и робко облокотилась на перила. Николай не сводил с нее глаз и чувствовал, как девушка его стесняется и из скромности молчит. Парень заговорил первым.

– Здравствуй Аня.

– Здравствуй...

– Мне матушка сказала, что недавно с тобой виделась. Я бы, наверное, не стал искать с тобой встреч, но она по секрету еще сказала, что ты постоянно обо мне спрашивала.

Аня, молча, кивнула и Николай продолжил:

– Извини, но я не думал, что между нами может что-то возникнуть, ведь ты до того, как меня арестовали, была еще девчонкой. Конечно, мне хотелось написать тебе с фронта, но я не представлял, как и с чем к тебе обратиться.

– Коля, ты, правда, обо мне вспоминал?

– Когда вспоминал нашу улицу, бараки, ты всегда всплывала в моей памяти.

– А я часто о тебе думала, – скромно проговорила Анна.

– Но как так, Аня, я ведь ничего не знал. Неужели я тебе нравился?

Девушка зарделась и ничего не сказала.

– Ань, не стесняйся, скажи как есть, я правда тебе нравился?

Легкая улыбка скользнула по губам девушки и, решившись, она кивнула.

– Так ты действительно меня ждала?! – восторженно и в то же время удивленно спросил Николай.

Аня снова молча, кивнула. Николай сел на лавочку и пригласил девушку сесть рядом. Скромно улыбаясь, она приняла приглашение.

– Коля, ты насовсем вернулся?

Парень тяжело вздохнул и тихо ответил:

– Должно быть насовсем.

– Твоя мама рассказала мне, что первый раз тебя несправедливо осудили и посадили в тюрьму. А второй раз, что ты натворил, ведь ты воевал, почему тебя снова посадили?

– Я защищал родину.

– За это в тюрьму не сажают, а награждают.

– Как видишь, меня отметили, – Николай расстегнул телогрейку и отвернул правый край.

Аня увидела орден и непонятную планку.

– Какой красивый, а это что за полоска?

– Я был ранен.

– Тебя ранило и куда?!

– Было дело, пуля в плечо попала. Аня, можешь мне объяснить одну вещь, – Николаю не терпелось узнать правду о Резаке, – у тебя есть кто-нибудь из парней? Серега Резак тут кого-то из-за тебя гонял.

– Ты и про это слышал. Ничего подобного, правда, ходил здесь такой, ребята его «Крысой» прозвали, но он мне отвратителен. Я слышала, он живет на Красной улице и недавно из армии пришел. Резаков его ненавидит, рассказывал, что его папаша в органах работает, после войны его, мол, в милицию направили.

– Я слышал Резак здесь шпаной руководит, когда меня забрали во время войны, он совсем еще салагой был.

– Да, действительно он вымахал, теперь выше тебя будет и про то, что со шпаной водится, я тоже знаю.

– Аня, скажи только честно, у тебя с Сережкой Резаком что-нибудь есть?

– Коля, нет же, – Анна, потупив взгляд, тихо промолвила, – я ведь тебя ждала.

– О, боже, Анютка, ты так сильно изменилась...

– Неужели так сильно, а если б случайно встретил, узнал бы? – улыбаясь, спросила девушка.

– Узнал, у тебя такие красивые глаза... Но ты и в правду, стала такая... – Николай с удовольствием покачал головой из стороны в сторону и нежно взяв ее руку, тихо сказал, – я раньше чувствовал, как ты на меня смотрела, но не понимал.

– Я первый раз тебя увидела, когда вы целой капеллой Резаковым дрова пилили и кололи. Мама моя тогда сказала: «Парнишка какой хороший, вот только со старшим Резаковым связался зря, затянет он его в свое воровское болото».

– Мама говорила, у Резака отец погиб.

– Да, Сережке на него похоронка пришла.

Николай, спохватившись, спросил:

– А твои, мать, отец, живы, здоровы?

– Папа погиб, на него похоронка пришла, а мама не вернулась с ночной смены, за станком ей стало плохо, вызвали врача, но поздно, – От горьких воспоминаний у Анны на глаза навернулись слезы.

– Прости, я не знал, – Николай, нежно обняв девушку за плечи, легонько прижал к себе, – как же ты одна жила все это время?

– Меня тетка родная к себе взяла, одно время я у нее жила, а два года назад вернулась в родной барак.

– Сочувствую, ты теперь круглая сирота.

Анна тяжело вздохнула и, посмотрев ему в глаза, спросила:

– Коля, а я тебе нравлюсь?

Он, не задумываясь, ответил:

– Ты мне и тогда приглянулась, но ты была совсем молоденькой.

– И до сих пор нравлюсь? – игриво спросила Анна.

– Аня, ты очень хорошая, и признаюсь четко, ты мне нравишься, – Николай крепче прижал к себе девушку. Поддавшись порыву и, уже не так смущаясь, она положила голову ему на плечо. Взяв ее лицо в свои ладони, Николай окунулся в омут красивых глаз. Анна едва заметно качнула головой и закрыла глаза. Он нежно прикоснулся губами к ее губам и почувствовал неимоверное притяжение к девушке.

Продружили молодые полгода и к осени сыграли скромную свадьбу. Молодая жена устроилась на фабрику, а Николай долго не мог найти постоянную работу. Ходил на товарную станцию, ворочал мешки с мукой и крупами, часто приходилось разгружать вагоны с углем. Наконец устроился грузчиком в речной порт, казалось, жизнь наладилась. В семье царили любовь и лад, но прошлое Николая не давало покоя властям. Сначала его частенько навещал участковый, но видя, что парень не лезет в преступное сообщество, постепенно отстал. Несколько раз Николая вызывали оперативники и интересовались жизнью: спрашивали о Резакове, который умудрился снова угодить за решетку. Буквально на днях Сергей Резаков с друзьями ночью обокрал магазин на Красной улице, забравшись через окошко, в которое принимали хлеб. Унесли продукты, спирт, водку и через два дня Резакова с двумя друзьями арестовали.

Николай был всегда категоричен, когда заходил разговор о политике и войне, он знал настоящую цену свободы и отношение госвласти к свободолюбивым людям, которые были у нее, как бельмо на глазу. Однажды на работе в разговоре между мужчинами с начальством, Николай принялся горячо защищать права рабочих и категорично высказался о советской власти. Кто-то тайно доложил куда следует, и вскоре Борисова задержали и препроводили в ГУГБ³,

³ ГУГБ – Главное управление государственной безопасности

где ему пришлось выслушать обвинение в свой адрес, что он смелыми высказываниями подрывает основу социалистического строя. Наравне с основными обвинениями, ему предъявили связь с уголовниками и неблагонадежными людьми в плане политических взглядов.

Анна передала мужу вещи в тюрьму и, не добившись у власти разрешения повидаться, в слезах отправилась домой. Вскоре Анна осталась совсем одна, мама Николая после приговора суда над сыном, умерла – не выдержало сердце.

Николай вернулся из лагерей не скоро, то, что ему пришлось испытать на севере, тягостным бременем легло на всю оставшуюся жизнь. В 1953 году в Норильске, где отбывал наказание Борисов, в лагерях ГУЛАГа: Горный, Речной и Степной вспыхнуло восстание заключенных. Николай примкнул к группе штрафников, которые входили в один из главных очагов мятежников. Лагерное начальство не принимало справедливых требований политзаключенных и в том числе «воров», пытавшихся агитировать среди рабочих рудников. Воровские группировки рвались к «руководству» зонами. Воры выступили против «сук» и подняли остальных заключенных против системы ГУЛАГа. Несмотря на личные интересы, воры нашли правильные аргументы при выдвижении требований: об отмене принудительного труда, прав заключенных и тем самым заставили комиссию ГУЛАГа отменить существующую практику жестокого управления лагерями.

Восстание заключенных в Горлаге совпало по времени с междоусобной борьбой кремлевской верхушки, которая уничтожила Берию.

После объявленной заключенным амнистии в 1953 году, Николай с 58 статьей за плечами, под указ не попал, его держали в лагере еще пять лет, он вернулся домой только в 1958 году. С нескрываемой радостью и любовью обнял жену, его счастьем не было предела, он понимал, что Анна любила его крепко, потому и дождалась.

Через год у Анны с Николаем родился сын, назвали его Алешкой, в честь фронтового друга.

Сергей Резаков в последнее время задержался на свободе, он стал чаще приходить к Борисовым, подружился с ними еще крепче и через полгода, когда у Алешки прорезался первый зубок, Николай, посоветовавшись с Анной, попросил Резакова стать крестным отцом.

В жизни у Николая сложились взгляды, в корне отличающиеся от убеждений Резакова. Если в целом заходил разговор о жизни, то обязательно, каждый из спорящих отстаивал интересы своей стороны. Николай сетовал на скучную и беспросветную жизнь простых людей, ютившихся в лачугах и бараках, а Резаков превозносил воровскую элиту, которая могла и умела поддерживать порядок среди людей. Пospорив в очередной раз, каждый оставался при своем мнении, и такие противоречия не мешали жить в дружбе. Резаков частенько угощал маленького Алешку сладостями: то леденцы принесет, то невесть откуда – мороженное. Анна сдержанно относилась к дружбе Николая и Сергея, она знала, что дерзкий Резаков никогда не набросится на человека, не разобравшись справедливо. Он не подбоьет старшего друга Николая на безрассудный поступок. Каждый выбрал свой путь: муж тяжело переживал обо всем, что случилось с ним в жизни и, зачастую выглядел задумчивым, угрюмым, Резаков же проживал свою жизнь, идя по ней легко и особо не напрягаясь. Посадят в тюрьму – ничего, срок не резиновый, все равно закончится. А вот Николаю в таком обществе с его убеждениями жилось трудно, где все делилось только на черное и белое. Потому Анна понимала его сердцем и всячески старалась уводить от мрачных мыслей.

Николай находил временную работу и с утра до ночи вкалывал, чтобы прокормить семью. Он часто виделся с другом Сергеем Резаковым и, сидя на крыльчке барака, они обсуждали какие-то вопросы. Анна иногда наблюдала за ними и не могла понять, почему ее муж и крестный отец Алешки о чем-то горячо спорят.

Николай, поглядывая иногда на друга Сергея, ловил его взгляды, направленные на Анну. Он уже давно знал и чувствовал, что его жена нравится Резакову, но Сергей никогда, даже при сильном опьянении не позволял себе переступить черту. Вот так и жили два друга в ожидании чего-то непредсказуемого, и каждый понимал, что рано или поздно в их дом снова постучится беда, и она таилась, ждала, когда подвернется удобный для этого момент.

Однажды в воскресный день к бараку подъехал «воронка», из него вышли сотрудники милиции и направились к квартире, где проживала семья Борисовых. Резаков заметил в окно, как «легавые» вошли в двери к другу Кольке и понял, что его забирают и возможно надолго. Николай словно ждал их прихода, молча, оделся, взял старый чемоданчик с приготовленными вещами, обнял, поцеловал жену Аннушку и маленького сына. Под конвоем вышел на улицу где уже собрались любопытные соседи. Анна стояла на крыльце и, зажав в одной руке платок, утирала неудержимые слезы, а другой рукой прижимала к себе сына. С горечью в сердце и с мокрыми от слез глазами, провожала она до «воронка» родного человека. Алешка не мог тогда еще знать, на какое время покидает их отец, но Анна знала точно – не на один год. Николай, перед тем, как запрыгнуть внутрь фургона, обернулся и улыбнулся. Вот таким она запомнила его на долгие годы: добрым, молодым и с прощальной улыбкой на губах.

Шли годы. К власти в стране пришел генсек Хрущев, и народ стал ощущать политическую оттепель. Много людей было реабилитировано после сталинских репрессий, но были и такие, кого государственная рука продолжала удерживать в лагерях, в их число входил и Николай Борисов.

Алешка рос и с утра до вечера носился с ребятами по улицам, благо из соседних барачков собиралось много мальчишек и девчонок. Ему было невдомек, почему мама, уткнувшись в подушку, часто плачет по ночам. Разве подрастающий мальчишка мог понять, почему отца, которого он не помнит, так не жалуется существующая власть и при удобном случае отрывает от родной семьи и закрывает на долгие годы в лагерь. Но зато мама часто рассказывала, как он воевал на фронте, как его ранило, и Алешка гордился отцом, хотя его не было рядом. Открывая старенький шифоньер, он бережно трогал орден «Красной звезды» висевший на лацкане пиджака и медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». С интересом рассматривал пулю, которой по рассказу мамы, отца ранило на войне.

В ожидании тянулись долгие дни, месяцы и годы. Письма от Николая приходили редко, и Анна с надеждой выглядывала в окно, когда же почтальон пойдет мимо, но увидев в очередной раз, как он отрицательно мотает головой, тягостно вздохнула, садилась на стул и, прижав руку к глазам, не могла унять горькие слезы.

Алеша, заметив тоскливые и заплаканные глаза матери и понимая, почему она горюет, подошел и, прижавшись к ее плечу, тихо успокаивал:

– Мам, завтра придет письмо, вот увидишь, с папкой все хорошо, не переживай за него, мам.

Анна, обняв сына, успокоилась и, взглянув ему в глаза, сказала:

– Да, да, сынок, как любил шутить наш папка, чернила не успевают высыхать, потому так долго идут до нас письма.

– Мам, а когда мы к нему поедим?

– Как только разрешат свидание. Вот подкопим денег, дождемся письма и поедим к нашему папке.

Шли дни, она жила от письма до письма. Дождливая, серая осень сменялась зимой, затем приходила долгожданная весна, наполненная душистыми запахами сирени, врывающимися в открытые створки окна.

Сергей Резаков со стороны своего барака часто видел, как Анна, стояла у открытого окна и, устремив тоскливый взгляд, высматривала кого-то на улице. Резаков тяжело вздыхал, он знал, кому предназначен этот взгляд, полный любви и отчаяния.

Резаков осознавал, что стал более осторожным, видимо в последний срок прибавилось жизненной мудрости. Ранее случалось, сходил на дело, спустил деньги в кабаке с друзьями и подругами, а затем опять в разнос, в общем, жил от одной кражи до другой. А теперь старался заводить знакомства аккуратно, с кем попало не пил, и на дело не шел, долго готовился. Но зато стал чаще играть в карты и когда срывал крупный банк, вот это был кураж! Снова собирал друзей и подруг, куролесил с ними до последней копейки. Соседи, наблюдая за такими гулянками, догадывались, Сережке Резаку либо в карты фартит или дружок освободился, и они на радостях устроили пир на всю Черную улицу.

Весной, когда бараки утопали в вишневом цвету, девушки с парнями собирались под окнами на лавочках, там допоздна звучали песни под гитару или аккордеон. Молодые парочки скрывались за листвой, за которой доносились шепот или причмокивания от сладостных поцелуев.

Анна с легкой улыбкой иногда наблюдала, как Резаков чудит, весело балагурит, шутит и, пощипывая девушек, привлекает их задушевными песнями. Сын Алешка любил его за доброту, за дерзость, за умение находить подход к ребятам. Если Резак в куражах, то не обделял ребятшек вниманием, всегда давал сладости или какие-нибудь игрушки. Однажды, играя во дворе в футбол, пацаны нечаянно запустили мяч в соседский огород к сварливому мужику. Он не раз ругал и предупреждал ребят, что заберет и не отдаст мяч, вот и на этот раз мальчишки упрашивали ворчливого дядьку.

– Дяденька, киньте мяч.

– Все, доигрались сорванцы, все грядки мне мячом помяли. Больше не увидите его.

– Дядь, ну пожалуйста, – упрашивали ребята, – мы больше не будем.

– Нет, я сказал, ищите другое место для игры.

Вдруг раздался знакомый голос, к штaketнику подошел Резаков.

– Слышь, Миха, – мяч пацанам верни.

– Серега, не заступайся, посмотри, они мне все грядки испортили.

Резаков достал из кармана штанов денежную купюру достоинством в три рубля и, протянув ее Михаилу, сказал:

– Да, ладно тебе, это же детишки. На вот тебе за издержки, покроешь свои убытки.

– Я сказал, нет!

– Ну, ты и чморина! Если с мужиками в неладах живешь, так не перекидывай на пацанов свою злость. Не отдашь мяч, башку тебе сорву и отдам пацанам, пусть гоняют вместо мяча, – разозлившись не на шутку, пригрозил Резак.

Сосед нахмурился и, опасаясь, что Резаков может исполнить свою угрозу, бросил мяч за штaketник.

Сергея кое-какие соседи побаивались за крутой нрав и бесстрашие. Кто-то не сомневался, если он вынет из-за голенища сапога финку, то может довести дело до конца, потому старались не перечить жигану. Лешка с благодарностью взглянул на Резакова.

– Если что, крестник, обращайся. Обидят, сразу мне говори, не тяни с разборками. Я батьке твоему обещал, что с тобой все будет в порядке.

– Ладно, дядь Сереж, – согласно закивал Алешка.

– Я сколько раз тебе говорил, называй меня просто Серегой, я же твой крестный. Не перебариваю я этих: дядя да тетя. Понял, Леха, чтобы я больше от тебя не слышал, что называешь меня дядей.

Улыбнувшись, Лешка, молча, кивнул и метнулся к мальчишеской группе, нетерпеливо ожидавшей, погонять с ним мяч.

Резаков любил «гарцевать» по Юному городку, как обует хромовые прохаря⁴, приспустит их гармошкой и идет по улице. Наденет лепеху⁵ со шкарами⁶ и выглядит, словно магазинный манекен. Дерзко прищурит глаза и, наигрывая на гитаре блатную мелодию, собирает толпу парней и девчонок. Но, пожалуй, для Резакова самым любимым развлечением была игра на аккордеоне. Сядет на крыльцо, растянет меха и польется задорное танго «Брызги шампанского», плавно переходящее в «Амурские волны» или необычайные французские мелодии. Вот тогда во дворе его барака собиралась не только молодежь, но и взрослые и даже старики. Некоторые из старожилов помнят, как отец Сергея также собирал во дворе соседей и радовал их своей музыкой, он же и научил Сергея играть на гитаре и аккордеоне.

Приходила Анна и слушала, как Резаков виртуозно исполняет музыку. Он закрывал глаза и, слегка наклонив голову, плыл вместе с мелодией. В такие мгновения казалось, не его шустрые пальцы исполняют шедевры, а кто-то незримый манипулирует с клавишами. Потом, как правило, поступают частные заявки и пожилые люди, поблагодарив Сергея, расходятся по своим дворам. Над бараками и улицей до поздней ночи раздаются задорные песни: от уркаганских, содержащих блатные слова, до тоскливых, мучительно входящих в сознание песен. Анна всегда ждала этого момента и, представив, как ее любимый Коля сейчас тоскует, стояла со слезами на глазах и слушала вкрадчивый голос певца. Резаков понимал ее состояние и вкладывал в слова и голос столько нежности, что они брали за живое. Только через изумительную мелодию и красиво произнесенные слова, можно донести до сердца этой женщины, как ее любят двое мужчин на свете, это ее муж Николай и он – Сергей Резаков.

На Филях на Черной улице подрастала детвора, впитывая, как губка поступки и наказания взрослых парней и мужчин. Примеров было множество: одни попадали в тюрьмы, другие выходили из лагерей и кругом существовал негласный людской закон. Продал, наябедничал, струсил – в изгой. Своровал у своих – объявят «крысой». Унизил, оскорбил, надругался над девушкой – получишь перо в бок или такого подонка опустят ниже «тротуара». Отругал кто-то из молодых пожилого человека, в этот же день ему вставляли таких «пентюков», что желание оскорблять взрослых сразу пропадало. Государственная власть – она, конечно, обладает силой и умением подавить любые действия в несоблюдении законов. Но исполнение, как таковых, не многие принимали за основу, те, кто неоднократно побывал в лагерях, вели свою политику, отличавшуюся от основной. Свежи в людской памяти: война, голод, разруха, репрессии и огромные лагерные сроки. Не все были жуликами или просто попавшими на срок по уголовной статье, были и такие, кто осуждал действия советской власти в отношении политических наказаний. Таких людей власть держала за колючей проволокой, а выпустив, давала немного вздохнуть свободного воздуха и по новой отправляла в холодные, мрачные, лагерные бараки. Одним из этих людей и был Николай Борисов.

Глубокой осенью Анне, наконец-то пришло долгожданное письмо, в котором Николай сообщил, что ему разрешили общее свидание, которое состоится через два месяца, то есть в январе. Анна места себе не находила, получив радостную весть. Она выскочила на улицу и покричала сына, но Алешка где-то пропал с друзьями. Она обошла несколько бараков и, увидев друга Лешки – Витю Валёного, спросила:

– Витюша, ты моего, случаем не видел?

– Теть Ань, он пошел с пацанами к дворцу Горбунова, говорят, кино классное привезли, сегодня вечером покажут.

– Передай ему, если увидишь, письмо от отца пришло, пусть срочно бежит домой.

– Хорошо тетя Аня, передам.

⁴ Прохаря – сапоги.

⁵ Лепеха – костюм

⁶ Шкары – штаны

Анна скопила деньги, теперь хватит на дорогу туда и обратно. Продуктов набрала побольше, хорошо сын с ней поедет, поможет с поклажей, передадут отцу передачку. Ехать нужно в далекую Сибирь. В последний момент начальство переиграло и вместо общего свидания, Николаю разрешили личное на целые сутки. Одно плохо, свидание будет проходить в вагончике, где днем семья окажется на виду у людей. Ну, да ладно, согласилась Анна, ей бы взглянуть в любимые глаза, обнять нежно, да прикоснуться к его губам.

Сын совсем не знает отцовской ласки, но по рассказам матери Алешка понимал, папка всегда его ждет и любит, хотя находится далеко от семьи. Папа у них самый лучший, как можно забыть его спокойный голос, ласку и заботу. Анна никогда не забудет, как муж, сильно простудившись, утром собрался на работу. С температурой, еле стоя на ногах, подался зимой по холоду. Денег в семье не было, даже не на что хлеб купить, занимала у соседей, а Коля гордый, не хотел в долг брать, не любил, вот и пошел больным на работу. Пришлось Анне к Резакову идти за помощью, он как услышал, так раздетый и бросился на улицу. Увидел друга Кольку, присевшего в сугробе, взвалил на себя и притащил домой. Потом ругал его, но мягко, по-дружески. Сергей ушел, а вечером принес две авоськи с продуктами и еще положил на стол деньги.

Анна тоже гордая, ей чужого не нужно.

– Сергей, за продукты большое спасибо, а деньги заберите.

– Ты хочешь, чтобы он, как я, пошел воровать, чтобы прокормить вас, – Резаков указал на больного Николая и осуждающе продолжил, – деньги не пахнут, ты его сначала на ноги поставь, да мальчонку, как следует, накорми, потом будешь мне высказывать, нужны тебе ворованные деньги или нет.

Хлопнув в сердцах дверь, Сергей ушел. Могла ли Анна в тот момент возразить Резакову, когда в доме действительно было голодно, потому подумав, осталась благодарна Сергею за помощь.

На поезде ехали несколько суток. Вот и станция, на которой выходить, да еще пришлось ждать автобус, чтобы доехать до поселка, где Николая содержали в лагере. Вагончик для свиданий размещался между колючими заборами и, чтобы в него попасть, нужно под конвоем пройти вдоль запретной полосы. Если заключенный без разрешения выйдет из двери вагончика, то окажется под прицелом карабина часового. Вагончик был разделен на две половины, в одной проходили личные свидания, а в другой общие.

На счастье Анны и Лешки в этот день личное свидание полагалось только Николаю, так что они целые сутки могли наслаждаться долгожданной встречей. Внутри было натоплено, буржуйка в углу еще дышала жаром. Разложили вещи, выложили продукты, и стали ждать Николая. Лешка через зарешеченное окошко посмотрел в зону и увидел несколько деревянных бараков и так как на улице стоял сильный мороз, над трубами вился дымок. Основной лагерный люд находился на работе в объектовой зоне, где проводилась вырубка леса. Николай в этот значимый для него день был освобожден от работы.

За дверь послышался скрип снега и с клубами холодного пара в вагончик вошел арестант в ватной телогрейке и шапке-ушанке. Анна бросилась к мужу и, обхватив руками шею, прижалась к его груди. Затем слегка отстранилась, стала неистово целовать лицо. Николай ловил ее губы и, блуждая глазами по лицу, не мог наглядеться, затем подошел к сыну, ласково потрепал его по волосам и прижал к себе. Сын ощутил щетину на небритых отцовских щеках, когда холодные губы прижались к его лбу.

– Родной ты наш, похудел, осунулся, – Анна, поглаживая мужа по плечу, пригласила сесть за стол.

Алешка, еще стесняясь отца, все же заулыбался и, поддавшись настроению матери, весело сказал:

– Ничего, пап, мы тебя сейчас откормим, смотри, сколько мы еды привезли.

– Ты мой хороший, – произнес ласково Николай, – главное, что вы здесь, – и нежно притягивая сына к себе, добавил, – Алешенька, ты так сильно вырос.

Сын доверчиво взглянул на отца. Буквально несколько минут назад, папка, казавшийся ему таким далеким, чужим, смущенным и одиноким, вдруг стал родным и близким.

– Пап...

У Лешки не нашлось слов, непроизвольно защипало в глазах. Он прижался к отцу и, стыдясь выступивших слез, зарылся лицом в его куртку. Анна сидела и, утирая платочком глаза, молча, смотрела на мужа и сына. Она сейчас по-настоящему жила временем, отведенным на встречу. За этот момент, когда видела их вместе, Анна была готова отдать жизнь. У горячо любящей жены и матери при виде этой сцены из глубины души вырвалась волна избыточных чувств, она присоединилась к любимым и родным, нежно их обняв. Пусть всего лишь на сутки, но они были вместе, этот миг для нее был самым счастливым за последние годы, когда ее разлучили с мужем.

В вагончик ввалился офицер в овчинном полушубке и завязанной под подбородком шапке-ушанке.

– Ух, морозище-то какой, вот она, Сибирь-матушка. Ну, что, граждане, общаетесь?

Николай, как было положено, встал из-за стола перед проверяющим офицером.

– Да, гражданин начальник.

– Издалека родные пожаловали?

– Из Москвы.

Офицер взглянул на симпатичную женщину, на осужденного Борисова, затем на парнишку и что-то прикинув в уме, поманил его пальцем. Лешка поднялся с табурета и подошел ближе к офицеру.

– Малой, ты бы оделся. Пойдем, прогуляемся, пусть мамка с папкой пообщаются, а ты пока в караулке посидишь с моими солдатами.

Лешка взглянул на смущенных родителей, как бы спрашивая у них совета, но поняв в чем дело, суетливо засобирился.

– Борисов, за порог ни на шаг, часовой на посту, если пойдешь без сопровождения по тропе, откроет огонь, – предупредил офицер, – и чтобы никаких перекидов в зону не было, иначе прекращу свидание и пойдешь в изолятор.

Николай благодарно кивнул и офицер с Алешкой вышли из вагончика. Пока шли к караульному помещению по тропе нарядов, Лешка с удивлением разглядывал обстановку. Столбы с натянутой колючей проволокой, внутри самой зоны стоят бараки. Вот мимо охранников через ворота проехала подвода с грязной бочкой, наполненной отходами из столовой. Лошадью управлял пожилой мужчина, заключенный из хозобслужбы. Быстро смеркалось. Вдруг к воротам с противоположной стороны зоны под конвоем солдат стали подходить заключенные. Начался съём с работы. Осужденные выстраивались по пять человек в шеренгу и солдаты тщательно их обыскивали с головы до ног, чтобы не пронесли в жилую зону запрещенные продукты или предметы. «Пятерка» из зеков проходила в превратную зону, за ними закрывали ворота и запускали в зону.

Алешка обратил внимание на некоторых заключенных, которые показывали пальцами на лошадь, проезжавшую мимо, и громко смеялись. Когда возникший натягивал поводья, лошадь обнажала зубы, на которых стояли большие коронки из тонкого металла. Отполированные фиксы блестели, отливая золотистым цветом. Зэки загоготали и, не сговариваясь, повернули головы на стоящего поодаль офицера. Стало понятно, почему они смеялись: когда офицер с массивной, отвисшей челюстью зачитывал осужденных по карточкам, Лешка увидел на его зубах золотые коронки.

– Вот твари! – возмутился офицер, догадавшись над чем надсмехаются зэки, – и, замахнув широким саблем, заругался, – ах ты скот поганый, вздумал надо мной потешаться!

– Гражданин начальник, я не виноват, это не я поставил фиксы.

Офицер, сопровождавший Лешку, тоже рассмеялся и обратился к коллеге лейтенанту.

– Семеныч, а что, вроде похож...

Толпа заключенных разразилась смехом.

– Прекратить разговоры и смех, – скомандовал начальник конвоя и крикнул возникшему, – уматывай отсюда быстрее и чтобы через пять минут снял, эти чертовы коронки.

Заключенных продолжали заводить в зону, но увидев не весть, откуда взявшегося мальчишку, они приветливо помахали ему руками, одетыми в рукавицы. Вдруг Лешка заметил, как из лесу прилетела большая черная ворона и села на ворота. Один из заключенных крикнул в зону.

– «Пятак», смотри, твой «Сынок» прилетел.

– Мужики, у кого есть крауха, дайте Сынку, я потом отдам, – попросил Пятак, стоявший за рядами колючей проволоки в жилой зоне. Заключенный достал из кармана телогрейки корочку хлеба и кинул на снег. Ворона, взмахнув крыльями, слетела с ворот и, ухватив клювом хлеб, вспорхнула и улетела в сторону леса.

– Что, весело у нас? – спросил Лешку улыбающийся офицер.

– Мне сначала как-то страшновато было, но конь рассмешил. А что, этот Пятак ворону приручил?

– Здесь не то, что ворону, пауков приручают.

– Как это пауков? – удивился Лешка.

– Летом в изоляторе пока заключенные наказание отсидивают, от безделья мух ловят и пауков подкармливают, вот так и приручают. Постучит зэк пустой кружкой по полу, а паук тут, как тут – на обед прибежал.

– Здорово, как в цирке, – восторженно отозвался Леша.

– Еще хлеще бывает, – весело произнес офицер, запуская паренька в натопленное караульное помещение и оставив мальчишку с солдатами, забрал нескольких в наряд и поспешил менять постовых.

Лешка, от нечего делать, переговаривался со служащими, а когда немного обвыкся, стал рассказывать разные истории. Незаметно за разговорами прошло два часа, нужно было идти в вагончик, а то совсем стемнело. Пришел офицер со сменившимися караульными солдатами и увел Лешку к родителям.

Заканчивались сутки, отведенные на свидание, семья стала прощаться. Мама утирала слезы, а Алешка сидел и смотрел сквозь зарешеченное окошко в зону. «Вот, снова людей с работы ведут, а мы с мамой домой поедим, – думал Леша, провожая взглядом заключенных, – врут люди, ничего о них в книгах не пишут. Как же они там живут? Без жен, без детей. Папка...»

Сын поднялся с табурета и подошел к отцу.

– Пап, ты скоро домой приедешь, когда тебя отпустят?

– Еще долго сынок. Нам всем нужно потерпеть. Будь маме опорой. Слушайся ее, кроме тебя, ей некому помочь. Будет тяжело, Сережка твой крестный поможет, увидишь его передай от меня большой привет.

– Пап, мама говорила, ты же не такой как Резак, не ворует, а за что тебя тогда посадили?

– За свой язык, за то, что молчать не могу, когда другие воды в рот набрали. Понимаешь, о чем я говорю?

Алешка отрицательно замотал головой.

– Подрастешь, поймешь. Ты только маму нашу береги, в беде не бросай. Алешенька, сынок, пообещай мне.

– Хорошо, пап, приезжай скорее.

Николай обнял сына и, отстранив от себя, поцеловал в щеку. Затем на прощание поцеловал жену и перед тем, как выйти, сказал:

– Родные мои, я люблю вас, не забывайте меня, – и с наворачившимися на глаза слезами, пошел за офицером.

Глава 3

Путешествие к Черному морю

Шло время, Алешка вырос, окреп и превратился в плечистого жилистого парнишку. Наступила весна, ворвавшись на Черную улицу со звонкими капелями и весело журчащими ручейками. Лешка стоял за углом барака и наблюдал за матерью, одетой в старенькую, белую кофту, она развешивала белье во дворе и, чувствуя, что сын наблюдает за ней, спросила:

– Леша, ты чего-то хотел, куда собрался?

– К Витьке пойду, мы сегодня с пацанами собираемся в Горбунова, фильм классный показывают – «Бродяга» называется.

– Сынок, сходи сначала за молоком, я тесто заведу, оладушек пожарю. Деньги на комодке под скатеркой.

– Мам, дашь на кино?

– Отсчитай и возьми на билет.

Лешка, молча, продолжал смотреть на мать, и чувствовал, как его грудь распирает от гордости. «Красивая она у меня, молодая и смелая. Тяжело ей без папки. Эх, достала такая жизнь. Мама... Моя добрая и родная мама».

Лешка, тряхнул головой, вышел из-за угла барака и направился домой. Парнишка опешил, увидев сидевшего на крыльце своего крестного, который, смоля папироской, поглядывал на Анну.

– Здорово крестник.

– Привет, а ты что с утра на мамку пялишься? – Лешка выразил открытое возмущение, он уже давно заметил, что Резаков неравнодушен к его маме.

– Не понтуйся Леха, не отобью я твою мать у своего лучшего друга, – и как бы спохватившись, что ляпнул лишнего, поправился, – не переживай, Аннушку я в обиду ни кому не дам. Я что пришел-то, Толяна Соколова с Красной улицы знаешь?

– Крысу, конечно знаю.

– К вечеру огольцов своих собери, а я братву и мужиков подтяну, надо этих вурдалаков с Красной улицы уму-разуму поучить.

– Махаться будем?! – удивился Лешка.

– Молодняки ради понта побудут рядом, а мы, повзрослее, Красноулинским салазки будем сворачивать.

По праву на Черной улице вся шпана находилась под руководством Сереги Резакова и только он мог быть судьей в серьезных разбирательствах.

– Заметано, Серега, я приведу своих. А где «махалово» будет?

– У Москвы-реки рядом с кафе.

Анна поднялась на крыльцо и услышала конец разговора Сергея с сыном.

– Леша, что еще удумали, решили драку затеять? А ты, Сергей, на что парня подстрекаешь.

– Чтобы наших девчонок и девушек оберегали, а то псаря с Красной совсем оборзели уже в наглую девок щупают.

– Постыдился бы при мне и ребенке такие вещи говорить. Сережа, не сбивай Лешку с толку.

– Аня, все будет нормальненько, проучим борзых. Ты сама-то, разве забыла, как эта тварь к тебе свататься приходил.

– Соколов?

– Конечно же, он. Эта гадина своих молодняков подбивает, чтоб они на нашей улице королями себя чувствовали. Ты не переживай, мы по своему с ними разберемся. Лешку в драку я втягивать не стану.

Пока мама разговаривала с Резаковым, Леша пошел в дом за деньгами. Он машинально заглянул в приоткрытую дверцу шифоньера и увидел отцовский пиджак. На правой стороне красовался орден «Красной звезды». В какой раз он смотрел на него и думал: «Интересно, орден у бати не отобрали, оставили».

Из бокового кармана торчал уголок фотографии, и Леша еще раз посмотрел на снимок: на перроне вокзала стояли мать и отец, оба молодые, красивые. «Батя, батя, что же с тобой случилось? На последней свиданке так и не сказал кто ты на самом деле. Урка или герой войны. Если герой, то почему тебя не простили за какой-то прогул, а после победы отправили в Сибирь. Я же помню, как ты нам с мамой рассказывал на свиданке, как воевал, как тебя ранило, как за подвиги наградили. Почему, батя, за что? Ты же никого не предал, так почему тебя не простили, почему не выпускают? Непонятно все это, Резак говорил, что уркагану освободиться проще, чем таким, как мой отец. А я так себе думаю, это власти предали моего батю, а не он».

Так уж повелось в стране советов, в любом городе есть улицы: Красные, Черные, Большие, Широкие. В Москве на Филях на одной улице группировались товарищи, а на другой кенты. Следили за обстановкой четко, держа в кулаке, потому местные строго соблюдали порядок и не пускали чужих на свою территорию. Били всех подряд, даже краснопресненских, которые вели себя дерзко в отношении черноулинских. Собирались сообща и назначали место, где будут отстаивать свои интересы. Лидером Красной улицы считался Толя Соколов, говорят, он не боялся ни Бога, ни Черта, потому вел себя так дерзко. К тому же он не мог простить Резакову девушку, которая ему понравилась, но впоследствии вышла замуж за какого-то фронтовика-штрафника. Соколов был старшим сыном военного и старая обида на черноулинских пацанов, не утолив в нем жажды мщенья, порой всплывала с такой силой, что из чувства отплаты ему приходилось вылавливать жуликов из неблагонадежной улицы. Иногда обе стороны сталкивались в страшных драках, а затем на время претензии друг к другу прекращались.

Семь близких друзей из окружения Лешки Борисова с утра, собрав деньги, послали Витьку Валёного за билетами. Индийский фильм «Бродяга» уже показывали в кинотеатрах Москвы, и вот, наконец, дворец Горбунова дождался своего дня. Что там творилось с утра... Это было нечто. Стиляги, одетые по последнему писку моды, выстраивались в ряд, хвост которого заканчивался за пределами кинотеатра. Хулиганистые парни и пацаны с разных улиц осаждали двери и лезли без очереди. Тут и там слышались возгласы и просьбы:

- Петруха, возьми на нас пару билетов.
- Аленка, мы здесь, на меня и Маришку бери.
- Ага, щас, проси больше, штук пять, – дразнился кто-то в ответ.
- Витек, не пускай этих козлов, а то билетов на всех не хватит.

Последняя фраза прозвучала как сигнал, людская очередь расстроилась, и уже возле дверей в кассу собралась большая толпа. Внутренний зал был забит до отказа: девчонки в белых туфельках и накрашенными губками, жались к стенке, уступая напористым молоденьким хулиганам с едва пробившимися усиками.

Витек Валёный с победным видом выскочил из толпы. Взмокший от пота, в измятой рубашке, он горделиво потрясал добытыми билетами, крепко держа их в руке.

«Борисенок», так пацаны между собой кликали Лешку, объяснил друзьям, что к вечеру всех черноулинских жиганов ожидает крутое разбирательство с красноулинскими. Сам Резаков созывает шпану и неоперившихся пацанов, придет он с близким корешем Мотей. Сходка состоится на Москве-реке на пяточке возле кафе, где собирается вся местная шпана, чтобы попить пиво, поесть воблу, да посудачить о жизни. Туда же приходили все жлобы и с Красной

улицы. Соколов-Крыса никогда не ходил один в кафе, его всегда сопровождала толпа и не дай Бог ему появиться здесь с «малым войском», сразу скулы свернут набок.

По плану Резака и Моти вся подготовка должна проходить тихо: на соседних улицах расставят огольцов и, если что при подъезде милицейских машин дали знать остальной братве.

Резаков и Соколов, встретившись накануне, обсуждали условия драки: кастеты и свинчатки в сторону, хоть один достанет нож, того сразу без разговора в реку. Лидеры начнут жестоко драться и не важно, пойдет кровь или нет, затем обе стороны сойдутся в битве. Естественно, победителями будут считаться те, кто обратит неприятеля в бегство.

Соколов – здоровый парень и по возрасту старше Резакова, но Сергей прошел жизненную школу в лагерях и тюрьмах, где иногда приходилось отстаивать свои интересы кулаками, а то и заточкой⁷. Сцепившись в ожесточенной драке, лидеры прощупывали, кто окажется проворней и сильней. Соколов кружил, вылавливая удобный момент, чтобы конкретней врезать Резакову, но Сергей, закаленный в уличных боях, сразу раскусил тактику Крысы и ловко уворачиваясь от ударов, доводил противника до бешенства. И вот, Резаков ринулся в бой, Крыса отпрыгнул, но, не успев сгруппироваться, получил сильный пинок в бок. Пока он отвлекся на боль в ребрах и отплеывался кровью, Резаков с левой руки мгновенно нанес ему такой крученный удар в челюсть, что Крыса, теряя равновесие, зашатался. Следующий удар кулаком в печень свалил с ног здоровяка, и в тот же миг разразился звериный рев толпы, это черноулинские ринулись в атаку.

Со стороны для случайных прохожих и посетителей кафе все смотрелось ужасающим: парни махали кулаками, словно кувалдами, пинали тела ногами, а иные, рыча, впивался зубами противнику в ногу. Трое парней сшибли с ног неприятеля и добивали его ногами. Слышались визги, бешенные восклицания. Все слилось в монотонный шум, но изредка из разъяренной толпы доносились короткие фразы:

– Черные, отсекайте Крысу с его кодлой! Пацаны тесней, не давайте себя разъединить! Вон тому рыжему дайте дружней по мусалу, а то эта собака здорово машется.

– Толян, помогите, нашим каюк приходит, – просили Крысу о помощи.

Лешка Борисенок и его друзья, как было задумано с самого начала, сидели в кустах и когда драка была в полном разгаре, молодые пацаны выскочили из укрытия и остервенело набросилась на красноулинских. Дрогнули разобщенные кучки и, как только Резаков с разбитым до крови лицом добрался до главного костяка неприятеля, Соколов не выдержал и закричал:

– Пацаны, винтим отсюда, эти чекнутые готовы нас до смерти забить!

Но отступить было поздно, озверевшие от драки черноулинские парни уже не контролировали свои действия. Мигом разобрали штacketник и две стоящие возле кафе лавочки и с ужасными криками погнали красноулинских прочь. Кого догоняли, забивали до беспомысленности, и только когда противник переставал шевелиться, бросались в погоню за другими.

Резаков кричал своим пацанам вслед:

– Бросьте колья, архаровцы, они и так спеклись.

Вдруг раздался пронзительный свист, кто-то их молодых пацанов предупредил, к кафешке приближается милиция на машинах. Черноулинские мигом разбежались по переулкам, затерявшись между частных домов и барачных. На дороге и по обочинам некоторые побитые красноулинские, поднимаясь с оханьем, старались поскорее скрыться с места побоища.

Вот так на Филёвской сторонке в Юном городке рос и креп молодой парнишка Лешка Борисенок. Мама Анна с утра до ночи находилась на работе, отец отбывал очередной срок в лагере, а улица воспитывала и закаляла в нем дух молодого бойца и лидера среди пацанов своего уровня. Жизнь, словно широкой рекой распростерлась перед Лешкой, но к какому берегу

⁷ Заточка – остро заточенный железный прут

прибиться, он еще не решил. Родной отец в свое время не смог донести до парнишки, что шуточные это забавы заигрывания с судьбой. Хотя, что мог сделать сам отец, когда в семнадцать лет его жизнь предопределила жестокая власть.

Наступило лето. Лешка окончил восьмилетку и по настоянию мамы осенью должен поступить в какое-нибудь училище и получить профессию. Денег постоянно не хватало, мама работала, но этого было недостаточно, чтобы содержать семью. Отец стеснялся просить о помощи, но Анна посылала ему немного денег на карточку для покупки продуктов в лагерной лавке. Да и посылки приходилось собирать не из дешевых продуктов, не пошлешь же шмат сала да чеснок. Леша понимал, что денег взять неоткуда и решил на лето найти себе работу, чтобы хоть как-то помочь матери. И вот как-то раз подвернулся Сергей Резаков с предложением.

– Хочешь деньжонок срубить?

– Воровать не пойду, – ответил Лешка.

– Не лезь вперед со своими мыслями, разве я тебя красть зову. Меня кореш Гурам в гости к себе зовет, в Дагомысе знаменитые картежники Союза собираются есть возможность в настоящую игру с ними перекинуться, а по дороге в Адлер кого-нибудь из пассажиров «посадить в мешок⁸».

– Ты же знаешь, я только в «очко» и «триньку» рублюсь, а среди классных катал фраерские игры не канают, да и не хочу я для них быть «булкой с маслом».

– Ты смотри, по фене научился базарить, молодец на лету схватываешь. Если что во время игры будешь при мне сигнальщиком, сбегаете новый стос⁹ купишь, да мало ли что понадобится, заодно и деньжонок поднимешь, мамке поможешь.

– А отпустит, ведь к морю дорога дальняя.

– Пойдем, переговорим с ней, заодно об отце поинтересуюсь.

Сначала Анна и слушать не хотела, чтобы отпустить сына с Резаковым.

– Мне что, одного сидельца в семье мало, так ты еще и малого в тюрьму тащишь. Сергей, даже не думай.

– Аня, отвечаю за слова, Лешку под статью не подведу, – уговаривал ее Резаков.

– Тогда зачем его с собой берешь?

– В море за рыбой, знаешь какие там уловы, не то, что с удочкой на Москве-реке сидеть. За пару месяцев заработаем, да и тебе подспорье будет.

– Ты меня-то не обманывай, рыбу какую-то придумал.

– Аня, я когда-нибудь тебя подводил? Сказал же, с Лешкой будет все в порядке.

– Нет, не пушу!

– Мам, я все равно поеду, – твердо заявил сын.

– Вырос, большой стал, а ума не нажил. Поступай, как знаешь, – Анна обиделась и ушла в другую комнату, но когда Резаков ушел, подошла к сыну.

– Алеша, сыночек, не рви мне сердце, ты ведь знаешь, как нам трудно без отца, если с тобой что-то случится, я не переживу.

– Мам, да все будет хорошо, что ты расстраиваешься.

– Молод ты еще и не понимаешь, как я боюсь за тебя и переживаю. Скажи, зачем Сергей тебя с собой зовет?

– У него там свои дела, не знаю какие, – Лешка утаил от мамы правду, – но не красть кошельки – это точно.

– Своевольный ты стал, что с тобой делать, ведь не отпущу, разве послушаешь.

Лешка, услышав в голосе матери смягчающие нотки, заулыбался.

⁸ Посадить в мешок – обыграть в карты

⁹ Стос – колода игральных карт

– Так я еду, мам?

– Ладно, езжай, я еще с Сергеем поговорю, чтобы за тобой приглядывал.

Через два дня Сергей и Лешка отправились на поезде с Казанского вокзала к Черному морю, где недалеко от Дагомыса должна состояться серьезная встреча картежников Союза. Резаков, предполагая, что в пути придется перекинуться в картишки, да не единожды, полностью откупил купе. Пока Лешка сидел у окна и стерег вещи, Резак направился по вагонам и, вглядываясь в лица пассажиров, внимательно наблюдал за их реакцией. Он демонстративно резал колоду карт пополам и с шелестом тасовал, привлекая внимание потенциальных партнеров. Когда Резаков открыл дверь в тамбур очередного вагона, его окликнул женский голос.

– Уважаемый, если не ошиблась, вы ищете партнера для игры?

Перед Сергеем стояла белокурая дама среднего возраста и приятной полноты. Одета в голубое платье и на шее повязана газовая косынка. Ее чувственный, накрашенный помадой рот, растянулся в очаровательной улыбке

– В цвет угадала. Я так себе думаю, играть будем в моем купе, в плацкарте неудобняк, будут мешать постоянно.

– Хорошо, согласна, но со мной парень придет, будет за игрой присматривать.

– Как скажешь, мадам, – усмехнулся Резаков, – как звать-то тебя?

– Светлана, а вас?

– Можешь на «ты». Сергеем меня зовут.

– Во сколько и где?

– Ближе к ночи, седьмой вагон, двери приоткрою, не пропустишь.

– Гарантируешь честную игру?

– А сама-то, можешь без шулерства?

– Почему бы нет.

– Лады. Каким стосом катать будем?

– Естественно фабричным, самопальный не годится.

– Заметано. Я приглашаю, значит с меня стол.

– Надеюсь, с интересом проведем время, – Светлана улыбнулась.

– Все будет по-человечески, – заверил Резаков и, дернув верхней губой, засветил золотую фикса, – вашу ручку фрау-мадам.

Светлана протянула холеную руку, и при легком пожатии Резаков почувствовал гладкие пальцы будущей партнерши. Про себя отметил: «На подушечках кожа тонкая, видать пальцы шлифовала, а такие особо чувствуют коцки¹⁰ на стирах¹¹. Прожженная стерва, но и мы не лыком шиты».

Резаков улыбнулся и скрылся в тамбуре.

За окнами вагона опустилась мгла, в купе включили свет. При свете фонаря Сергей и Лешка разглядели гостей. С женщиной пришел сопровождающий худощавый парень лет тридцати пяти, он почему-то каждые пять минут поплеывал на кончики пальцев, видимо постоянно сохла кожа. Парень сел рядом с женщиной как раз напротив Лешки. Светлана, кивнув на пацана, спросила:

– С тобой молодняк?

– Брательник мой, пусть наблюдает.

Каждый из игроков достал свою колоду. Распечатали фабричные упаковки и стали рассматривать. У Резака глаз наметанный, как под рентгеном видит обратную сторону на картах. Вот он заметил на одной рубашке¹² красную линию, немного толще других.

¹⁰ Коцка – отметина на карте, шулерский подход

¹¹ Стиры – карты

¹² Рубашка – обратная сторона карты

Сергей сбил карты в кучу и пододвинул к партнерше.

– Стос крапленный. Будем моим играть.

Светлана удивленно приподняла брови.

– Этого не может быть, колоду я купила в Москве.

– Мадам, я этой гребенкой уже лет двадцать, как не чешусь, или играем моим стосом или адью...

– Тогда к тебе встречная просьба: острый ноготь на мизинце обстриги, чтобы на картах коцки не оставлять.

– Заметано, стирь портить не буду, но ноготь оставлю. Мое слово верное.

Светлана, осмотрев чуть ли не каждую карту из колоды партнера, согласилась и игра началась. Не вооруженным глазом она не заметила скрытые детали в картах, так как Резаков заказывал колоду у отменного мастера. Карты от шестерок до десятков были смазаны легким составом мыла, потому лучше скользили, а старше валета были покрыты канифолью и потому затормаживались во время раздачи. Но, не смотря на имеющиеся секреты, соперница попалась серьезная, память у нее была отменная. Резаков постоянно ощущал отсутствие удачи. Ночь вступила в свои права, игра была в полном разгаре. Везение никак не шло, Сергей нервничал, но умело скрывал недовольство. Светлана ухмылялась и прищуривала правый глаз, дымя папиросой. Лешка задремал, для него долгая игра проходила монотонно, и потому он предпочел сон. Зато парень, сидевший напротив во все глаза наблюдал за игрой и за руками Резакова, чтобы у него вдруг не оказалась лишней карты.

Ближе к утру Лешка заварил у проводника крепкий чай и снова задремал, а Резаков, осушив стакан, взял реванш за все проигранные партии. Отыгравшись, он все-таки «посадил в мешок» дамочку. Обескураженная проигрышем, она сдержанно кивнула и, кивнув своему парню, направилась к двери.

– Перекусите чего-нибудь, что я зря стол накрывал, – ухмыляясь, предложил Резаков.

– Свой стол дожидается, – сдержанно ответила женщина.

– Светлана, у фортуны всегда бывают свои баловни, видимо ты ее часто очаровывала, но сегодня она решила над тобой покуражиться, – произнес на прощание Резаков.

– Наверно ты прав, сегодня не мой день, – выдавив улыбку, женщина вышла из купе.

– Эй, Маэстро, нас обокрали! – Сергей потряс спящего Алешку за плечо. Он мгновенно пробудился, и ошалело оглядел купе.

– А где эти?

– Ручкой помахали.

– Как сыграл?

– Держи, твоя доля.

Лешка развернул веером купюры и удивленно спросил:

– А что так много?

– Бери, бери, напарник. Я трошки вздремну, а позже пойду еще партнеров надыбаю¹³, а ты пока слетай в вагон-ресторан возьми еще чего-нибудь пожевать и не забудь бутылочку вина, обмоем удачную игру.

Последующий путь на юг прошел в постоянных играх. Попались два горячих кавказца, распрощавшиеся с содержимым своих кошельков. Затем в купе пришел солидный дядечка в светлом костюме и при шляпе, направляясь на курорт. Он тоже лишился основной части денег. Резаков был на седьмом небе от счастья, дорога казалась не скучной, настроение постоянно приподнято. Поезд незаметно приближался к Адлеру.

¹³ Надыбать – найти

В один из вечеров Резаков рано задремал, а когда открыл глаза, Лешки в купе не оказалось. Сергей прошел по проходу до двери и увидел пацана в тамбуре, он стоял и, куря папироску, смотрел в окно. Резаков закурил и, взглянув на смущенного паренька, спросил:

– Ты что, как не родной?

– Серега, ты же сам не любишь, когда мухлюют в карты, я же видел, как ты последнего мужика облапошил.

– Э-э, крестник, я чего-то не пойму, ты кого жалеешь? Лоха, который сидит и тоже мечтает, как бы меня в картишки обыграть. Мы же с тобой не на бану¹⁴ пассажира щиплем¹⁵ или на гоп-стоп¹⁶ фраеров ставим, а умственную работу делаем... – Резаков закашлялся от дыма папиросы, – знаешь, в жизни все обусловлено, если возникает какой-то нерешаемый вопрос – бей! Доказывай, что ты прав. Не жалея никого, упадешь, руку мало кто подаст – съедят и не подавятся.

Лешка, молча, слушал и не возражал. Неполные шестнадцать лет в жизни, конечно, это еще не показатель, но в его мальчишеских глазах было больше правды, чем в хитром и прищуренном взгляде Сергея. Теперь паренек начинал понимать, что существуют разные правила в катранах¹⁷, есть мастерство картежника-профессионала, и есть шулеры, которые ищут лохов, то есть людей, в чем-то им уступающих.

Лешка еще раз взглянул в окно и представил себе бескрайнее море, чаек, мечущихся над волнами. Людей, красиво разодетых, которые собираются в вечерних ресторанах и их жизнь на юге так не похожую на его существование с мамой в Юном городке.

– Лешка, пойдем в купе, – Резаков отвлек его от мыслей, – вон проводник чай разносит, и еще надо подготовиться к большой игре.

Алешка вспомнил мать и подумал: «Теперь денег хватит, куплю мамке красивое платье, она уже давно ничего себе не покупала». Паренек взглянул на Сергея и, не стесняясь, спросил:

– Серега, а ты, правда, мою мамку любишь?

– Когда-то любил, а теперь уважаю. Понимаешь Леха, меня так воспитали, я бы мог уболтать Анну, когда твой отец на фронте был, но твоя покойная бабушка предупредила меня, что Аня ждет Колю, а мы с твоим отцом друзьями были. Друга предавать нельзя, запомни это на всю жизнь. Мне шмар в жизни хватает, но любить по-настоящему нужно одну, которая потянется ко мне всей душой и сердцем. Мать твоя Колю любит, и я не хочу вставать между ними. Усек?

– Ага, усек. Серега, почему у тебя наколок нет? – Лешка перескочил на другую тему, – а у твоего кореша Моти все руки синие.

– Мне в свое время умный человечек совет дал: «Пацан, прежде, чем сделать наколку, поинтересуйся, что она обозначает, а то попадешь в камеру к правильной братве и окажешься в непонятках. Это хорошо, если наколку срежут вместе с кожей, а может и так стать, твою наколку примут, как предложение...»

– Какое предложение? – заинтересованно спросил Лешка.

– Партак¹⁸, Лешка – это наглядная паспортина, по ней братва определяет сущность сидельца, кто он, какие масти имеет? Если он сука или пацан, то есть определенные наколки. Так что все у тебя впереди и, прежде чем оставить на теле вечный рисунок, подумай, что ты понесешь его через всю жизнь. Я тоже еще пацаном хотел наколоть себе на пальцах перстни, долго раздумывал, а потом расхотел.

¹⁴ Бан – вокзал

¹⁵ Щипать – воровать кошельки

¹⁶ Гоп-стоп – ограбление

¹⁷ Катран – притон для азартных игр

¹⁸ Партак – татуировка

– Серега, а почему менты моего батьку так часто в зону садят?

– Если бы твой отец был обыкновенным вором, он не был для власти так опасен. У нас полсоюза пересидело в лагерях, да убеждения у всех разные. Как мне объяснял твой отец: есть мерка, шаблон, под который власть хочет подогнать весь наш народ и в целом ей это удастся, но встречаются такие, которым сначала нужно головы укоротить, а заодно и ноги, чтобы они подходили под общий строй, а отец твой стальной, укорачиванию не поддается. Понял, о чем я говорю?

– Не совсем.

– Пока не хлебнешь досыта из этого корыта, не поймешь. Жизнь Леха, штука сложная, какой тонус мы ей зададим, такая и будет до самой гробовой доски.

Под конец пути Резаков достал несколько упаковок с картами, еще раз осмотрел, и каждую в отдельности перетасовал, ведь заточенные колоды были разные, ко всем нужно было приноровиться.

Глава 4

Любовь Резака

На перроне вокзала в Адлере приезжих из Москвы встречал старый кореш Резакова – вор Гурам, они когда-то вместе отбывали срок в одном лагере. Поздоровались как братья, Резаков представил Лешку своим крестником. Сразу же поехали в Дагомыс, находящийся в десяти километрах от Сочи.

– Дядя Гурам, а почему Дагомысом назвали? – спросил Лешка.

– В народе молва идет, что по всему побережью летом нет места прохладнее, потому что селение наше находится между гор в тени.

– Где будем катать? – спросил Резаков.

– В одном из корпусов Кавказской Ривьеры, место там спокойное, зарядили филками местных мусоров, чтобы нас не напрягали во время игры, но на всякий случай на атасе поставим пацанов.

– Много соберется?

– Почитай со всего Союза: кто с Ямала, кто с Сибири, а ты, и еще несколько человек из Москвы.

– Гурам, как здесь с девочками? – спросил Резаков и при этом подмигнул Лешке.

– Что ты хочешь, Серега, это же курортная зона, здесь этого добра как грязи, главное – чуточку твоего мужского внимания и вовремя засветить пресс¹⁹, все красавицы побережья будут твои, – шутя, ответил старый вор.

Ближе к вечеру на квартире Гурамовского кореша, собрались приезжие каталы, чтобы немного поразмяться перед основной игрой, а затем посидеть в ресторане Ривьеры. Резаков пока не садился за стол, наблюдал со стороны за чужой игрой и, зная множество хитростей, сразу определял, кто из игроков обладает шулерским талантом. Заточенная колода карт, всегда на руку шулеру, по шероховатости карты скользят или задерживаются при тасовке. Резаков всегда ощупывал колоду, чтобы между слоями бумаги не были вклеены песчинки или мелкие осколки стекла.

Гурам предупредил, что кое-кто из местных катал, тоже присоединится перекинуться в карты и перед большой игрой обязательно будет оговорка во что играть. В «шпанские» игры, то есть: терс, рамс, буру. «Фраерские»: в очко, секу, петуха – не приветствуются.

Старый вор взглянул на Лешкину одежду, поцокал языком и с сарказмом высказался:

– Да брат, в такой одежонке, тебя не то, что в ресторан, к двери близко не подпустят. Вы тут братва пока развлекайтесь, – обратился вор к картежникам, – а мы с пацаном до магазина пройдемся, шкары модные, да рубаху парню возьмем, глядишь, в кабаке какую-нибудь девочку себе подцепит.

Лешка смутился. Ему действительно хотелось выглядеть поприличней, а вот о втором предложении дяди Гурама он совсем не задумывался.

¹⁹ Пресс – пачка денег

Вечером заказали несколько столиков, и расселись недалеко от эстрады. Лешку было не узнать в новых брюках, из-под которых выглядывали остроносые штиблеты, тело облегла серая рубашка с длинными рукавами и с отложным воротником.

– Ну, теперь ты у нас видный жиган, – улыбнулся Резаков и вдруг его взгляд устремился куда-то в угол ресторана. Лешка тоже посмотрел и заметил за столиком трех парней и белокурую девушку, на вид ей было около двадцати лет.

Небольшой самодеятельный оркестр исполнял легкую джазовую музыку. Резаков поднялся и, подойдя к солисту, сунул ему в руку «пятерку» и что-то сказал на ухо. Парень махнул музыкантам рукой и музыка стихла. Он объявил танго. Резаков подошел к столику, за которым сидела симпатичная девушка, одетая в легкий белый сарафан. Волосы светло-русые, длинные, вьющиеся. Глаза большие, светло серые, красивые, излучающие доброту.

– Разрешите вас пригласить, – Сергей галантно протянул руку. Девушка взглянула на сидевшего напротив парня, как бы спрашивая разрешения. Прищурившись, он оглядел Резакова, затем бросил взгляд в сторону стола, откуда он пришел и, увидев Гурама, сдержанно кивнул. Девушка поднялась и, подав руку Сергею, направилась с ним к эстраде.

Резаков нежно обнял красавицу за талию и по ходу медленного танго, постоянно ощущал гибкость ее стана. Она положила свои ладони на плечи Сергея. Он смотрел на нее, не отрывая глаз. Девушка взглянула ему в глаза и робко отвела взор в сторону. В тот момент Сергей почувствовал, как к лицу прилила кровь, и сердце забилося сильнее. Осторожно, соблюдая приличие, он легонько притягивал к себе девушку.

– Как тебя зовут? – мило улыбнувшись, спросил Сергей.

– Эля, – робко ответила девушка, глянув в глаза взрослому парню.

– Очень приятно, а я на Сергея отзываюсь.

Он почти коснулся губами ее уха, чтобы сквозь музыку она слышала его голос. Девушка чуть отстранилась и слегка кивнула.

– Я не спутал ваши планы? – спросил Резаков и кивнул в сторону столика, где сидел парень, наблюдая с презрительным прищуром за танцующей парой.

– Собственно, никаких планов нет. Скажите, а вы приезжий, я имею в виду отдыхающий?

– Вы угадали, я в гости к другу приехал.

– А тот молоденький парнишка, он с вами?

– Эля, давай перейдем на «ты», не люблю, когда ко мне обращаются как к дяде, так будет проще.

– Разве мы с вами знакомы.

– А разве нет? Ведь, тебя Элей зовут, – Резаков улыбнулся.

– Хорошо, давай. И все-таки, что делает паренек в вашей взрослой компании?

– Это мой крестник, мы вместе из Москвы приехали.

– Надо же, из самой столицы, вот здорово!

– Ты ни разу не была в Москве?

– Не приходилось.

– Так в чем же дело? Было бы желание, и я его исполню.

– Вы добрый старик Хоттабыч... Ой, оговорилась, – Эля улыбнулась и украдкой посмотрела на Виктора, пригласившего ее в ресторан. Резаков перехватил ее взгляд и спросил:

– У тебя что-то серьезное с этим парнем?

Девушка промолчала. Она была уверена, что пока не может ответить на такой вопрос незнакомому человеку. И другой момент, Эля пока не могла объяснить Сергею, что не считает Виктора своим парнем, просто он дерзко, нагло и, пожалуй, напористо принудил ее пойти с ним в ресторан. С недавних пор она попала на глаза этому парню, поговаривали, он имеет авторитет среди местных хулиганов. Хорошенькая, красивая девушка с ладной фигуркой сразу же приглянулась Виктору. Он часто провожал ее из техникума до дома, а также приглашал прогуляться по вечернему городу. Эля не то что бы боялась его, она робела и в силу своей стеснительности не могла отказать ему в просьбах. Вскоре она поняла, что попала в некую зависимость. Она уже не могла свободно общаться с парнями сверстниками, так как дружки Виктора «Шпонки» нашептывали ему, что видели с кем-то Элю. Давление со стороны Виктора постоянно росло, как будто он заимел на нее права. Девушка стала бояться и старалась не противиться. Однажды Эля увидела, как Виктор с дружками избили парня, который имел неосторожность заговорить с ней и вежливо предложил свое место в автобусе. Они с силой высадили его из автобуса и на глазах у девушки, побили. Это уже было слишком! Но Эля ничего не могла поделать, либо за нее никто не мог заступиться, авторитет Виктора Шпонки среди местных был большой. Эля имела круг знакомых, девушек, парней и, попав в зависимость к Виктору, стала замечать в последнее время, что подруги и друзья избегают с ней общения.

Танцую с Сергеем, она осознавала, что этот довольно взрослый парень ей симпатичен и в принципе девушка была не против, если они прогуляются вдоль террасы и спустятся к морю. Но взглянув в очередной раз на Виктора, внимательно наблюдавшего за ней, отказалась от подобной мысли и продолжала, молча танцевать.

Музыка закончилась, и все танцующие потянулись к своим столикам. Сергей проводил Элю и, вызывающе взглянув на Виктора, сдержанно кивнул. Шпонка скривил губы и на приветствие не ответил, тем самым давая понять Резакову, что он не доволен его вниманием к девушке.

– Ну, как «невеста», понравилась? – спросил Гурам, когда Резаков сел за стол.

– Обворожительная Лялечка, а главное, ее голос всю душу выворачивает, а глаза...

– Резак, ты что в натуре, втюрился? – спросил «Серый», один из приятелей Гурама.

– Поддувало захлопни, а то кишки простудишь, – огрызнулся Резаков.

– Серега, выкинь ее из головы, за ней Шпонка приударил, могут быть осложнения.

– Это тот? – спросил Резаков и кивнул в сторону столика, где сидела Эля.

– Он, он, – подтвердил Гурам.

– А если я ее уболтаю, и она пойдет со мной, и этот Шпонка мне до лампочки...

– Серега, ты не в своем городке, чтобы всех подряд цеплять, за эту девочку можешь по полной огрестись, – снова дал совет приятель Гурама.

– Серый правильно говорит, Шпонка своего не упустит. Резак, не принимай девчонку всерьез, – советовал Гурам.

– Ладно, братва, разберемся, – весело произнес Сергей и, потягивая пиво из кружки, поглядывал на Элеонору.

Вышли покурить на террасу. Лешка облокотился на железные перила и смотрел на лунную дорожку в воде. Подул легкий ветерок, в воздухе посвежело. Резаков сел на плетеный стул и, закинув ноги на парапет, курил папироску и о чем-то думал.

– Серега, мы в Хосту поедem? – спросил Лешка.

– Отыграемcя завтра, тогда видно будет, а что там хотел?

– Дядя Гурам сказал, что у него там знакомая в магазине работает, хочу мамке платье хорошее купить.

– Молодец Леха, правильно кумекаешь, матери нужно подарок сделать, а я как-то сразу не подумал. Как тебе девочка?

– Ничего.

– Чудак ты Лешка, ничего, это – пустое место.

– Нормальная.

– Да, пацан, что б ты понимал в колбасных обрезках, – Резаков тяжело вздохнул и, подмигнув пареньку, задорно произнес, – ладно, какие твои годы найдешь себе подругу.

– Серега, а если Шпонка на тебя бочку накатит?

– А это не его дело, как Элеонора решит, так и будет.

– Интересное у нее имя.

– Ее Элькой все зовут, а на самом деле она объяснила мне, что имен у нее много: Эльмира, Эльза, Элизабет. Обалдеть, никогда таких не встречал. Девочка – цимус!

– А моя мамка?

– Забудь Лешка, ее судьба с другой судьбой переплелась, а моя безответная любовь, так и угасла.

– А я и не возражаю, – улыбнулся Лешка, – Эля тебе понравилась?

– Ты знаешь, когда мы танцевали, меня, словно чем-то по голове шарахнули, глянул в ее глаза и, как будто в омут попал, заворожила она меня.

– Ничего себе, – удивился Лешка, – как в книжке, с первого взгляда.

– Пойдем в зал, Гурам ждет, – Резаков щелчком отправил окурочек в темноту. Поднялся со стула, сунул руки в карманы брюк и вальяжной походкой направился в ресторан.

Было весело, за столом шутили, Гурам рассказывал разные истории из своей жизни, иногда упоминал, как они с Резаком отбывали срок в одном лагере.

– Представляешь Лешка, мы в лагере с твоим крестным отцом над одним чудиком от смеха чуть не угорели, – обратился вор к пареньку, – тот зэка прослыл заядлым сеансером, любил под женские юбки заглядывать. Сляпал себе подзорную трубу из линз очков и на выездном объекте, где мы строили дом, разглядывал обстановку в окна соседних домов. Как-то раз он забрался на пустое окно на третьем этаже и стал высматривать в трубу какую-нибудь бабенцию. Когда вроде заметил, мужикам похвастался, она там, мол, нагнулась раком, а задница у нее белая-белая. Пригляделся, а это холодильник. Короче, пока трубу настраивал и вывалился из проема. И что бы вы думали, ему на сломанную ногу гипс наложили и опять с трубой видели.

За столиком все грохнули от хохота. Резаков тоже помнил эту историю и, улыбаясь, поглядывал в стороны Элеоноры. Вдруг к парням за столиком подошел мужчина и что-то сказал. Шпонка с дружкой быстро засобирались, на ходу он бросил несколько фраз девушке. Элеонора, оставшись одна, изредка поглядывала на Сергея. Она поднялась и, не оглядываясь, пошла на террасу. Увидев уходящую девушку, Резаков поднялся со стула, но Гурам остановил его, потянув за рукав рубашки.

– Брат, угомонись.

– Все будет в ажуре, я только с ней поговорю.

Сергей поспешил на широкую террасу, расположенную снаружи вокруг ресторана. Элеонора стояла у парапета лицом к морю. Легкий ветерок играл с подолом ее сарафана, обнажая красивые, загорелые ноги. Эля прижимала подол, а другой рукой убирала с лица пряди волос. Резаков залюбовался статной фигурой девушки и, чуть дыша, остановился в нескольких шагах.

– Эля, а ты почему не ушла? – спросил он, подойдя ближе.

– Виктора старший брат срочно вызвал, он предупредил меня и обещал, что скоро придет. Постою здесь немного, да домой пойду, не хочу его ждать.

– Он всегда шалманом на свидание ходит?

– Я не считаю эту встречу свиданием.

– Эля, тогда можно я тебя приглашу прогуляться немного со мной. Мне здесь так нравится, все ухожено, красиво. А ты часто здесь бываешь?

– Днем здесь народу много, в основном на пляж приезжие приходят, а вечером, как видишь, почти пусто. Сергей, а хочешь, я покажу тебе Хлудовский парк, вот где действительно красота, – внезапно предложила девушка.

У Сергея от такого предложения сильнее забилося сердце.

– С тобою, хоть на край света.

– Ты со всеми девушками так любезен?

– Хочешь, верь, хочешь, нет, но к тебе у меня, совсем другое... – он замолчал, не в силах подобрать нужные слова.

Элеонора движением руки пригласила Сергея спуститься с террасы к морю. Под ногами зашуршала галька. Волны, накатываясь одна за другую, с шумом выплескивались на берег. Навстречу им изредка попадались гуляющие вдоль прилива парочки мужчины и женщины.

– Зайдем за корпус, и поднимемся наверх, – предложила Элеонора, – когда я здесь бываю, постоянно гуляю в парке, это мое любимое место. Сейчас сам увидишь.

Действительно Сергей очутился в декоративных джунглях, кругом росли различные пальмы: банановые, юкки, финиковые. На газонах благоухали розы разных сортов. По обеим сторонам аллейки разрослись пушистые хвой и пирамидальные тополя.

Сергей снял пиджак и бережно укрыл плечи Элеоноры. Идя рядом, он чувствовал себя умиротворенно и счастливо. Иногда их плечи касались друг друга, и Резаков с замиранием сердца ощущал эти соприкосновения.

Сев на лавочку, продолжили интересный разговор. Сергей имел колоссальный опыт общения с разными девицами, но сейчас слегка оробел. Он чувствовал – эта девушка безумно ему понравилась. Может быть, он спешил с выводами, предполагая, что она должна стать его женщиной, но внутреннее чутье подсказывало, Элеонора, именно та девушка, которую он искал всю жизнь. Он слушал ее милый голос, похожий на приятное воркование и с каждой минутой осознавал, что погружается в приятное ощущение безмерного счастья. Находясь в кругу привычных знакомых, он постоянно чувствовал себя уверенно, словно рыба в воде. Язык общения отработан до тонкостей, переходя из блатного жаргона в вульгарные выражения. Зато при общении с Элеонорой ему приходилось «фильтровать» разговор, стараясь не спугнуть отточенной до совершенства блатной феней. И еще, его тревожил один момент – это их возраст, весомо отличавшийся прожитыми годами.

– Эля, как ты считаешь, я выгляжу слишком взрослым? – спросил прямо и с замиранием ожидал ответа.

– Я как-то особого не обратила на это внимания. Ну, раз спросил, скажи, сколько тебе лет?

– Тридцать пять – совсем уже мужик, – Сергей утаил пять лет, ведь ему исполнилось сорок.

– Для своих лет ты очень неплохо выглядишь.

– Неплохо?

– Ой, извини, я хотела сказать хорошо.

– Ты меня успокоила, а то я подумал, назовешь меня папулей, – обрадовался Резаков и рассмеялся от собственной шутки.

– Собираешь что попало, – улыбнулась Элеонора, – Сережа... Там, возле ресторана на террасе, ты сказал...

– Что ты не такая, как все?

Девушка, молча, кивнула. Резаков глубоко вздохнул и ответил откровенно.

– Со мной такое случается второй раз в жизни, я чувствую, ты какая-то особенная, удивительная.

– А в первый раз?

– Ты не поверишь, я втюрился в Лешкину мать – Анну.

– Правда, как интересно!

– Мой друг Колька был на фронте, как говорится, я положил на нее глаз. Но я считал Колька – мой лучший друг, тем более мне сказали, Аня его ждет.

Элеоноре понравилось, как Сергей поступил с другом и его девушкой, но подумав, не решилась спросить открыто: «А второй раз? Неужели ты влюбился в меня с первого взгляда?» От подобных мыслей ее лицо обдало жаром, щеки покраснели. Хорошо в сумерках сидевший рядом Сергей этого не заметил.

Он нежно взял руку девушки. Теплые, слегка шероховатые пальцы ласково касались ее ладони.

– Эля, ты, правда, необыкновенная девушка, – не дождавшись ответа, продолжил, – когда я тебя увидел, для меня в ресторане, словно все пропали. Я видел только тебя. А когда танцевали, смотрел на твое лицо, и мне казалось, что я знаю тебя давно.

Сергей, отдавая дань красоте Элеоноры, нежно прикоснулся губами ее маленькой ладошки. Девушка непроизвольно отдернула руку, словно испугавшись его поспешных действий, но успокоившись, вернула ее обратно. После произнесенных слов ей показалось, что Сергей говорил искренне, без фальшивых ноток в голосе, и тем более она раньше не слышала от ухаживающих за ней парней подобные откровения.

Сейчас ей не хотелось думать о чем-то сложном, мол, вернется Виктор, а ее в ресторане нет или спустя время этот симпатичный и слегка напористый парень Сережа, уедет в родной город. Она понимала, в жизни такое случается, встретились два человека и с первого взгляда, с первых слов, начинали друг другу нравиться. «Так может, я ищу романтики в отношениях? А почему бы и нет. Как все-таки приятно, когда симпатизируют искренне. А может это и есть та самая романтическая любовь, о которой пишут в книгах. А вдруг я ошибаюсь? Мы знакомы несколько часов. Почему я его слушаю? Пошла с ним, сижу здесь, а не иду домой. Не могу понять... Его слова, почему-то так близки, как будто мне самой хотелось их сказать. Да, да, я ведь мечтала встретить парня и сказать ему что-то похожее. А ведь так хочется... Не знаю, что ответить Сергею. Может быть, извиниться, встать и уйти...»

Элеонора действительно была в замешательстве, она не знала, как поступить в подобной ситуации, ведь ее пригласил один парень, и она тут же познакомилась с другим. Но в одно и то же время осознавала, что не питает к Виктору ни малейшей симпатии и с легкостью готова отказать ему в будущей встрече, но не знала, как отвязаться от его навязчивых предложений.

– Эля, ты не бойся меня, – отвлек ее от мыслей Сергей, – я не хочу, чтобы ты думала, будто я к тебе по легкому «подбиваю клинья». Я чувствую, ты другая, не такая как все. Я тебя ничем не обижу.

– Ты уже встречался с женщинами?

– А как же без этого.

– И ты до сих пор не мог найти среди них свою избранницу, – с наивными нотками в голосе, произнесла девушка.

– Не мог, потому что... Они не похожи на тебя.

Вдруг Элеонора почувствовала, что-то тягостное ложится на сердце и с тревогой спросила:

– Сергей, а ты не боишься, что Виктор с дружками подкараулит тебя?

– Не боюсь. Я знаю, что прав и потому мне по фиг эта шпана.

– А я боюсь.

– Эль, скажи, почему ты согласилась пойти со мной погулять или ты хотела назло сделать этому фраеру?

– Ты выражаешься, как-то не пристойно.

– Ну, я по-своему оцениваю Шпонку, не обращай внимания, у меня это проскакивает, когда я нервничаю.

– Я решила, что ты довольно интересный парень и согласилась пойти. Просто ничего плохого я о тебе не подумала. А Виктор здесь совсем не причем.

– Тогда я буду тебя защищать...

Сергей прервал свою фразу, услышав в глубине аллеи громкие голоса и приближающиеся шаги. При ярком лунном свете показались очертания мужских фигур.

– Витек, кажись это они, – позвал кто-то и в тот же миг шесть парней подбежали к лавочке.

Резаков поднялся и, загородив собой девушку, развязно произнес:

– Братва, что за кипишь, вы случаем ноты не попутали?

– Слышь, Москва, ты в натуре прибурил Ты кого из себя строишь? На наших девок облизываешься, – произнес один из парней, выражаясь на блатном жаргоне.

С другой стороны аллеи кто-то еще приближался к группе парней. Это был запыхавшийся от бега Лешка. Он встал рядом с Резаковым и крикнул в темноту:

– Дядя Гурам, Серый, они здесь.

К Резакову вплотную подошел Виктор Шпонка и, сплюнув ему под ноги, презрительно произнес:

– Ты бы сдернул отсюда, мне со своей кралей покалякать надо.

– Она не хочет с тобой говорить, так что разворачивай лыжи...

Шпонка хотел схватить Резакова за грудки, но Сергей перехватил его руку. Что-то острое уперлось Шпонке в шею под ухом.

– Фраер, не буди во мне зверя, еще раз дернешься, пошинкую, как капусту, – Резаков оттолкнул от себя Шпонку.

Подошел Гурам и, разведя ссорящихся в стороны, предложил.

– Ша, братва, давайте мирно порешаем все дела.

– Какой там мир, Гурам, он мою биксу увел.

– Еще раз назовешь ее так, я тебе в натуре метлу²⁰ отрежу, – предупредил, разгневанный Резаков.

– Гурам, не встречай, это наши дела, – Шпонка рванулся к Резакову.

Грузинский вор перехватил Виктора и, развернув его, отвел в сторонку.

– Шпонка, послушай меня, Резак мой кореш, мы с ним в зоне одну пайку ломали, так что я не дам ни тебе, ни твоим «савраскам» забить парнягу.

– Гурам, не по понятиям у пацанов бикс отбивать, ты же знаешь наши правила, это моя девка. Я порву за нее этого москвича.

– Я тебе сказал, давай миром порешаем, иначе занозишь мне конкретно. Резак приехал на игру, а не просто так и если ты его тронешь, с тебя братва спросит, в том числе и я. Скажи своим архаровцам, чтобы погуляли, а мы сейчас этот «рамс» быстренько раскидаем.

Шпонка нехотя согласился на мирный разговор и недовольно буркнул парням, чтобы отошли.

– Элька иди сюда, – Шпонка протянул руку к девушке.

– Давай сначала ее спросим, хочет она или нет, – предложил Резаков.

Девушка была страшно напугана и не могла произнести ни слова. Единственное, что она сейчас понимала, из-за нее могут подраться два человека.

²⁰ Метла – язык

– Эля, скажи ему, чтобы катился домой, – обратился к ней Сергей, – твое слово завершит наш спор.

Шпонка дернулся, не соглашаясь с Резаковым, но Гурам крепко ухватил его под локоть и обратился к девушке:

– Девонька, что молчишь, ответь всем, почему пришла с одним в ресторан, а ушла с другим?

– Сережа, проводи меня до остановки, я больше не хочу здесь оставаться, – девушка поднялась с лавочки и сделала шаг к Резакову.

Шпонку взбесили эти слова, и противно скривив рот, он передразнил девушку.

– Сережа, я больше так не могу...

– Рот закрой, не твоя очередь говорить, – Гурам пресек ехидство Шпонки и снова обратился к Элеоноре.

– Девочка, ты нам не ответила.

– Я не давала Виктору никаких обещаний. Отпустите меня, пожалуйста... – глаза девушки заблестели от слез.

Резаков решительно взял ее за руку и, кивнув Лешке, повел прочь от толпы.

Гурам, предвидя дальнейшую ссору, спокойно сказал Шпонке.

– Видишь, она не твоя, будь мужиком и отпусти эту ситуацию.

– Гурам, зря ты впрягаешься, я пасу ее, врубаешься! Сегодня же побазарю с братом и вы все ответите за свою борзоту. А тебя, Москва, – крикнул Шпонка вслед удаляющемуся Сергею, – увезут отсюда в «деревянном бушлате²¹». Я тебе в натуре говорю, своих слов я на ветер не бросаю.

Сергей приостановился, но Элеонора, чувствуя, что он может сорваться, потянула его за руку.

– Пойдем, пойдем скорее, не связывайся с ним, ты же видишь, он специально вызывает тебя на ссору.

Лешка шел не спеша, отстав от парочки на несколько шагов. Он рассуждал про себя, как Серега, не выспавшись, будет сегодня играть, ведь после обеда все каталы соберутся в корпусе Кавказской Ривьеры. «Да, не думал я, что он так влюбится. Не подоспели бы мы вовремя, Серега порезал бы Шпонку. Интересно, дядя Гурам договорится со Шпонкой или тот попросит защиты у своего брательника. Говорят, брат у Шпонки крутой, вес имеет среди Сочинской шпаны, как бы нам здесь не наkostenяляли».

Было уже поздно, видимо автобусов больше не предвиделось, и девушка заметно расстроилась. Внезапно Резаков выскочил на дорогу и несколько раз махнул рукой, едущей навстречу одинокой машине с зажженными фарами. Сергей договорился с водителем и заплатил ему, затем позвал девушку и нежно приобняв, тихо сказал:

– Значит, договорились, встречаемся сегодня вечером у входа в Кавказскую Ривьеру.

– Хорошо Сережа.

Элеонора села на заднее сидение и Сергей, захлопнув дверцу, на прощание махнул рукой.

Резакову все же удалось немного поспать. Гурам решил не будить его до обеда, понимая, что впереди до самой ночи будет игра. Лешка, проснувшись, пошел умываться на кухню. Гурам сидел за столом и пил чифирь. Взглянув на вора, Лешка спросил:

– Дядя Гурам, а почему Шпонка ночью давил на понятия, говорил о каких-то правилах, неужели девчонка не может сама себе выбрать парня, она же не хочет со Шпонкой хороводить.

– Шпонка нахватался у старшего брата верхушек, он имел в виду фраершу, которая достается вору законнику и должна быть безотказной.

²¹ Деревянный бушлат – гроб

- Но ведь Шпонка не вор законник и Элька не его собственность?
- Правильно рассуждаешь, пацан, я это и вдалбливал Шпонке в тупые мозги.
- Дядя Гурам, а вдруг они нападут на Серегу Резака.

– Если не видали горя, пусть попробуют, – Лешка и Гурам повернули головы: в дверях стоял с заспанной физиономией Резаков, и шуткой добавил, – не понтуйся Леха, мы и не таких сявок бушлатом на водопой гоняли. А у тебя, что вид такой не важнецкий, спал плохо, не выспался?

– Сон плохой приснился, будто поднимаюсь на крыльцо, где ты в бараке живешь, а из-под него большущая черная собака хочет выскочить. Мне бы проскочить в дверь, а она не дает, рычит. Боюсь ее, чувствую, бежать бесполезно – догонит.

- Леха, не будь суеверным, сны обманчивы, – разубеждал его Резаков.

Быстро перекусили и, обувшись, направились на остановку, чтобы на автобусе добраться до гостиничного комплекса «Кавказская Ривьера».

В одной из отведенных комнат уже собрались люди, рассевшись за большим круглым столом: кто-то резал стос, разминая пальцы, кое-кто, разбившись на пары, метали карты. В соседнем номере уже шла игра. Вальжные дядечки доставали из внутренних карманов тугие прессы денег и, вытягивая треть купюр, складывали в банк.

В номере, где находились Резаков, Гурам и Лешка, в основном собрались уркачи. Эти люди прошли свой путь через лагеря и тюрьмы, где по законам воровского братства обязаны обучиться играм в карты. Здесь не играют в долг и не мухлюют, за игрой строго наблюдают и профессиональные навыки картежников, приобретенные в прошлые годы и в разных местах – это показатель умения человека приобрести деньги без обмана и шулерских приемов. Так что собрались сегодня здесь порядочные каталы и в фраерские игры они не играют.

Для бродяг, таких, как Гурам и Резаков, игра – это особое душевное состояние, когда, к примеру, ставка доходит до колоссальной суммы в банке, сердечко трепещет, адреналин зашкаливает. И вот, за столом остаются двое, а в банке куча денег. Кто же сорвет куш? Все с замиранием ждут результата.

Резаков спокоен, будто принял наркотик, вбрасывает одну за другой карты на полированную крышку стола. Лешка, мыслями тоже в игре, от напряжения он сжал руками спинку стула и, стоя за спиной своего крестного отца, поглядывает на сидевшего напротив жулика из Восточной Сибири.

Последнее вскрытие... Сергей резко хлопает рука об руку. Гурам и Лешка вздыхают с облегчением. Партия окончена. Кто следующий?

Между заходами Резаков выходил на террасу и закуривал, сейчас все его мысли прикованы к Элеоноре, он не может о ней не думать, ведь сегодня состоится их встреча, он должен сказать девушке самое важное, что так не дает ему покоя и заставляет сердце биться сильнее. Если она будет согласна, он просто увезет ее в Москву.

Поздно вечером, когда игра постепенно заканчивалась, и отдельные игроки потянулись в ресторан, Лешка уже стоял на «боевом посту» у входа на пляж, ожидая появления Элеоноры. Он не заметил, как недалеко на террасе за пальмой за пареньком наблюдают две пары глаз – это люди Шпонки следили за парнишкой, а заодно и входом в ресторан, где должен появиться Резаков.

Игра продолжалась до наступления сумерек, затем всех ожидал праздничный ужин в ресторане. Сегодня его откупили в основном для игроков, ведь не часто в Ривьере собираются почтенные каталы со всего Союза.

Гурам передал выигранную Резаковым сумму «Серому», и он в сопровождении пацанов, на время покинул корпус.

Глава 5

Любовь требует жертв.

Резаков шел по коридору второго этажа, игра только что закончилась. Ему сегодня везло, как никогда, Сергей был в выигрыше. В дверях показался Лешка и с приветливой улыбкой, махнул ему рукой. Сергей ускорил шаг, догадавшись, что девушка пришла на свидание. «Пришла, значит, решила для себя, что будет со мной. Она конкретно выбрала меня...» – возбужденное состояние после игры, к тому же предстоящая встреча с Элеонорой отзывалась радостью в сердце. Мысль, что сегодня, возможно, он ее поцелует, вскружила голову.

Лешка отпустил парочку вперед и не спеша шел по каменной террасе. Недалеко от берега разместился, прикованный на якорь белоснежный лайнер, привлекая внимание отдыхающих людей гирляндами огней, развешанных над палубами. По бокам корабля, в иллюминаторах горел свет, все выглядело празднично.

– Сережа, я сегодня не могу долго гулять, мама попросила быть дома пораньше.

– А завтра днем ты свободна? Поедем в Хосту, друг Гурам и его подруга приглашают нас в гости.

– И меня тоже?!

– Конечно.

– Неудобно как-то.

– Неудобно штаны через голову снимать...

– Ну и шутки у тебя. Сережа, скажи мне честно, ты был там?

– Не понимаю...

– Я ведь слышала, как ты ругался с Виктором, как вы грубили друг другу. Ты сидел в тюрьме?

– Сидят на завалинке и семечки лузгают, а в тюрьме срок отбывают...

– Сережа, я серьезно.

– Прошу, давай сменим тему.

– Ты не хочешь отвечать?

– Не хочу, прости. Эля, ты вчера напугалась?

– Еще как. В такую ситуацию я еще ни разу не попадала. У тебя, правда, был нож?

Сергей прикоснулся острым ногтем к ее руке. Девушка непроизвольно отдернула руку.

– Вот этим ножом я его вчера напугал.

– Надо же, а в темноте не видно, чем ты его уколол, – улыбнулась девушка, – пойдём к остановке, мне пора ехать.

У Резакова похолодело в животе, ему так не хотелось расставаться с Элеонорой.

– Скажи, ты поедешь завтра в Хосту? – настойчиво спросил Сергей.

– Во сколько?

Резаков остановился и, поблескивая счастливыми глазами, нежно взял ее руку и тихо спросил:

– Я на такси приеду, где тебя встретить?

– Не нужно, я сама приеду. Согласен?

– Эля, хорошая моя, со мной такое творится, я сегодня весь день о тебе думал. Останься, хоть на пару часиков, не уходи.

– Сережа, я обещала...

– Ну, хотя бы на час, я хочу тебе многое сказать...

– Наверное, я понимаю тебя. Сережа, но мы знакомы всего один день, неужели ты успел увидеть во мне девушку, какую, по твоему вчерашнему признанию, искал всю жизнь. А вдруг ты ошибаешься? Мне кажется, у тебя просто возникло страстное желание...

– Любить тебя... – перебил он девушку.

– Сережа...

– Ты можешь представить, что я говорю это женщине первый раз в своей жизни.

Элеонора молчала, ее до глубины души тронуло признание Сергея. Конечно, она чувствовала, что он хочет сказать ей что-то важное, но не думала, что он так быстро решится. Она могла бы сейчас остаться, потом извиниться перед матерью. Лицо девушки пылало от прилива крови, она все чувствовала, но не могла ответить на слова парня. За один день в ее голове пронеслось столько сладостных мыслей, что она с трудом сдерживала себя, чтобы не поддаться на его уговоры остаться. Может быть завтра, когда она успокоится, они продолжат этот важный для обоих разговор.

– Сережа, мне, правда, нужно домой, мы поговорим обо всем завтра. Пожалуйста, не обижайся, пойми, я не хочу, чтобы мы торопились.

Увидев, как он насупил брови, Элеонора нежно погладила его по руке. Сергея от ее прикосновения, словно током прошило. Он воспрял духом и немного обмяк.

– Ты только не думай, что я тебя обманываю, не хочу поступать с тобой по-плохому.

Показался автобус, и Элеонора, виновато улыбнувшись, на прощание сказала:

– Сережа, до завтра. Приходи на причал, там встретимся.

Сергей, прежде, чем девушка поднялась на заднюю площадку автобуса, нежно привлек ее к себе и смело поцеловал в губы. Элеонора, словно догадалась, что он должен был ее поцеловать, ласково погладила его по щеке и заскочила в автобус. Двери закрылись, Резаков увидел, как она приветливо машет ему рукой сквозь боковое стекло. Подошел Лешка и, улыбаясь, спросил:

– Что решили?

– Завтра поедем все вместе в Хосту к Гурамовской подруге.

– Здорово! Серега, а я думал, что после вчерашнего Элька не придет.

– Я тоже так думал, мне кажется, она...

– Влюбилась? – гадая, спросил паренек.

– Лешка, я со многими бабами перезнакомился, но не одна не западала мне в душу, как Эля. Она вообще другая, понимаешь. Леха, ты когда-нибудь влюблялся?

– Не знаю.

– Значит, еще не любил. Это не объяснишь, когда ее нет рядом, меня тянет к ней, все мысли только о ней, когда Элька со мной, я никого кроме нее не замечаю.

Лешка слушал и улыбался, удивляясь, что такой дерзкий, а порою непреклонный Резак, вдруг растрогался и стал мягкосердечным. Но что, по сути, Леша мог знать о любви, которую его крестный считает неземной. Может и он когда-нибудь встретит свою девушку и так же влюбится в нее. Лешке вдруг вспомнилась мама, когда стыдясь своих слез, она выбегала на крыльцо и давала волю чувствам. Как на свидании в вагончике отец смотрел на нее по-особенному, наверно также сейчас Сергей смотрит на свою девушку.

Друзья спустились к воде и не спеша шли по берегу. С моря веяло прохладой, тучи затянули небо, предвещая приближение грозы. Мгла опустилась над пляжем. Пока не начался дождь, нужно успеть добраться до остановки.

Вдруг за спиной послышались множественные шаги, под ногами зашуршала галька. Из темноты вырвались людские силуэты. Резаков остановился и, когда толпа приблизилась, он узнал Шпонку и его приятелей.

– Не кони²² Леха, сейчас мы улаптюем это дело, – подбодрил Сергей паренька, видя, как он засуетился.

Резаков выступил вперед и, вытянув руку, громко сказал:

– Стоять, ближе не подходите!

– Москва, ты совсем отупел, не понял, о чем я тебя предупреждал.

– Мне кажется, вчера мы этот рамс разобрали.

– Креститься надо, когда кажется, – сказал один из парней.

– Давай отойдем, – предложил Резаков Шпонке, – и это, пацана моего не трогайте, он не при делах.

Отойдя на несколько шагов от группы, Шпонка скривил рот и язвительно произнес:

– Москва, а ты в натуре прибурил, думаешь, с Гурамом срок мотал, так тебе все здесь положено. Я же тебе что сказал, отвянь от моей шмары...

– Овца ты мохнорылая. «Рогатик²³» ты недоделанный. Ты даже в своей жизни по мелкой хулиганке ни одних суток не отсидел, а берешься мне за понятия уши притирать. Ты даже не знаешь, что шмара означает – шлюха. Все завязываем это гнилой базар, завтра собираем сходняк, и будем вести разбор на уровне авторитетов...

Резаков хотел еще что-то сказать, но вдруг приглушенно охнул. Парень, стоявший за спиной Сергея, исподтишка выкинул вперед руку. Сергей сразу не понял, что получил удар ножом, он только подумал, что ему ударили кулаком между лопаток.

– Шухер! – раздался голос из толпы, – сюда кто-то идет.

Резаков присел на песок, и Шпонка заметил, как на его спине расплывается темное пятно. Виктор сразу догадался, кто-то из его дружков пырнул ножом московского урку.

Парни быстро убежали. В какой-то момент, Лешка, оттиснутый в сторонку, подскочил сидевшему на коленях крестному. Лешка толком ничего не понял и сначала подумал, что Серегу ударили под дых. Резаков от слабости завалился на бок и, хватаясь за Лешкин рукав рубахи, прохрипел:

– Леха, кажись, я финача в спину получил. О, как больно!

Паренек растерялся и не знал, как ему поступить. Он хотел крикнуть вслед какой-то парочке, только что прошедшей недалеко, но Сергей попросил:

– Не надо, не зови никого.

– Сереж, скажи что делать?

– Не надо ничего, посиди со мной... Леш, кажется мне каюк, посмотри, что там на спине.

Лешка рассмотрел на белой рубахе большое темное пятно. Чувствуя, как с каждой секундой теряет силы, Сергей, задыхаясь, тихо проговорил:

– Она придет завтра на причал, ты сходи. Эля будет ждать. Возьми у Гурама деньги, все, что причитается мне, отдай своей матери. Ничего Анне и Николаю не говори, соври, что я в море утонул. Лешка... Видимо судьба мне – за любовь умереть. Уезжай скорее, тебя будут искать... – Сергей сжал руку друга и умолк.

Паренек подумал, что Сергей хочет перевести дух и нагнулся, чтобы расслышать слова. Он потряс друга, но безрезультатно, крестный не отвечал и не подавал признаков жизни. Лешка еще раз подергал его за плечо, Резаков молчал.

– Серега! – разнесся по пляжу его крик, – Серега!

Над морем загремел гром, и первые капли дождя ударили по воде. Шум нарастал, заглушая всхлипы паренька. Послышалось шуршание гальки и приближающиеся голоса. Какие-то люди спешили на крики...

²² Не кони – не бойся

²³ Рогатик – лицо, выдающее себя за преступника, но не связанное с преступным миром

Серый с приятелями обошли Хлудовский парк и, не найдя Резакова с Лешкой, вернулись на террасу возле ресторана, но и там их не оказалось. Над Ривьерой собирались грозовые тучи, нужно было спешить. Гурам, предчувствуя что-то неладное, предупредил Серого, чтобы не спускал глаз с Резакова.

На пляже раздались отдаленные крики, навстречу Серому спешила парочка – мужчина и женщина. Серый поинтересовался у них.

– Что там случилось?

– Там какие-то парни дерутся, ужас! – ответила женщина.

Серый с двумя парнями побежали по пляжу и увидели неясную картину: Резаков лежал на боку без всякого движения, а рядом на коленках находился плачущий Лешка. Серый, пощупав пульс на руке Сергея, замотал головой и, задрал рубаху на его спине, увидел под левой лопаткой на окровавленной коже колотую рану. Схватив за руку паренька, потащил прочь от бездыханного тела Резакова. Лешка, упираясь, не хотел идти.

– Кто здесь был, неужто Шпонка со своими?

– Да, их человек десять было.

– Кто Резака проткнул, ты видел?

– Нет, меня в сторону оттащили.

– Короче, Леха, сваливай отсюда поскорее, – произнес Серый, – по любому мусора сюда приедут, мы тут сами разберемся.

– Серый, можно я останусь, – умолял Лешка.

– Малой, если тебя потащат в контору, то начнут под тебя копать: кто, откуда, зачем? Закроют в каталажку и пока не разберутся, будешь сидеть. Опера – народ ушлый, докопаются до всего.

– А где дядя Гурам? – всхлипывая, спросил Лешка.

– В Хосте он у своей подруги. Знаешь, где она живет?

– Конечно, знаю. Серый, как же с Сережкой быть, не хочу его здесь бросать. Я останусь...

– Иди, тебе говорят, мы все уладим. Проводим Резака в последний путь, как полагается. А сейчас езжай скорее в Хосту до Гурама, скажешь, что случилось, да смотри не нарвись на Шпонку, они тебя тоже будут искать. Давай, давай Леха, не стой, а то сейчас менты и скорая приедут.

Гурам, выслушав трагическую историю от Лешки, суетливо засобирался. Он попросился с подругой и повел парнишку к своему приятелю на квартиру.

В тревогах и ожиданиях прошел день и дело близилось к вечеру. На сходке решили, что Лешке нужно срочно возвращаться в Москву, наверняка старший брат Шпонки знает о происшествии, пацана станут искать, как свидетеля. Затем нужно собрать авторитетную братву, чтобы обсудить дальнейшие действия. Гурам конечно будет отстаивать доброе имя Резакова, но не факт, что все его послушают и накажут Шпонку за содеянное.

– Дядя Гурам, я обещал Сереге, что схожу на встречу с Элей.

– Какая еще Эля, Леха?! На кон твоя жизнь поставлена, ты что не понимаешь, если тебя найдут менты или гривотрясы Шпонки, то Сочи сузятся для тебя до размера спичечного коробка.

– Я обещал, – упорствовал Лешка.

– Гриша, – обратился Гурам к приятелю, – возьми пацанов и проводи его до причала, пусть повидается с девчонкой. Она была знакома с Резаком немного, если влюбилась, поплачет, да забудет. А ты, Леха, сразу же после встречи, рви к моей подружке на хату, заведи свои вещи. С моими парнями поедешь в Адлер, на вокзале, встретимся. Мы проводим тебя в Москву на первый поезд.

Лешка, спускаясь к морю, издали увидел Элеонору, она стояла на причале и наблюдала за носящимися над водой чайками. Несколько сизокрылых голубей, не боясь девушки, бегали по деревянному настилу. Сердце часто забило. Лешка даже не знал с чего начать разговор. Он хорошо понимал, что девушка не просто так согласилась проводить с Резаковым время, видимо и она откликнулась на его серьезные чувства. На душе у паренька было пусто, никогда он не чувствовал себя так одиноко. Буквально прошлой ночью, они ходили с Сергеем по пляжу и вот, его нет. Представить такое невозможно. К тому же факт оставался фактом, в городе в определенных кругах уже расползались слухи о ночном происшествии.

Элеонора заметила парнишку и, улыбаясь, легкой походкой направилась ему навстречу. Обратив внимание на хмурое лицо парнишки, спросила:

– Леш, привет, а ты почему такой грустный? – посмотрев по сторонам и не увидев Резакова, задала еще один вопрос, – а где Сергей, он разве опаздывает?

Паренек молчал, он не знал, как сообщить ей о трагедии. «Какая же она все-таки красивая», – тяжело вздохнув, подумал и взглянул в ее голубые счастливые глаза.

– Леша, что случилось? – волнуясь, переспросила девушка, – он не может прийти на встречу?

Паренек замотал головой и тяжело вздохнув, решился:

– Эль, Сережка не придет... Он... В общем, он вчера умер.

– Ты что такое говоришь?! Как умер?! Леша! Да что случилось?

– Шпонка и его гады встретили нас на пляже, после того, как ты уехала, – Лешка опять тяжело вздохнул, – какой-то гад пырнул его ножом в спину.

– О, нет! – воскликнула девушка.

Леша с изумлением наблюдал, как на только что счастливых глазах Элеоноры наворачиваются слезы и крупными каплями стекают по щекам. Он видел в жизни разные слезы: у матери, у обиженных девчонок, но такую горечь и отчаяние наблюдал впервые. Теперь они понимали друг друга, утрата для обоих была тяжелой.

Лешка обернулся на свист, парни, торопя, махали руками.

– Эля, прости, но мне нужно идти, меня уже ищут. Дядя Гурам найдет тебя. К Сережке тебя проводят... Прощай, Эля, – голос у Лешки задрожал. Он резко повернулся и побежал в сторону парней. Обернувшись, увидел на причале одинокую девушку, помахал ей рукой и скрылся из вида.

Забрав вещи, Лешка какое-то время бродил по набережной, вспоминая последние дни и часы, проведенные с Сергеем и с Элей. Не думал Лешка, что его путешествие на юг так омрачится, ведь кругом такая красивая жизнь. Заглядывая в счастливые и улыбающиеся лица прохожих, он думал, что никому нет дела до молоденького парнишки, только что, потерявшего своего крестного.

Подошел приятель Гурама и, кивнув, предложил.

– Поехали пацан, Гурам уже взял билет до Москвы.

Старый грузинский вор ждал его на перроне вокзала в Адлере. Приветливо, похлопав Лешку по плечу, пригласил сесть на лавочку.

– Вот так брат в жизни случается. Горячий был Резак, не послушный. Я ведь предупреждал его, вот что любовь делает с людьми. Не к месту будет сказано, но будь Серега жив, увез бы девочку в Москву. Работать бы пошел на завод такелажником? Ведь такую красотку нужно обеспечить, а вдруг после детишки народятся. Резак все равно бы не бросил воровать, угрелся бы в тюрьму, а девочка осталась одна. Да чего уж там, как говорят: после драки кулаками не машут. Возьми вот деньги – это доля Сереги с игры, я свое отсчитал. Вещи кое-какие, еду на дорогу. Бери, бери, вам с матерью деньги будут нужнее, Сереге они там не понадобятся. За девочку не волнуйся, я о ней позабочусь. Хорошая она, не хочу, чтобы такая тварь, как Шпонка прикасался к ней. Я раскачаю это дело, мы найдем, кто убил Серегу.

– Дядя Гурам, я приеду сюда, мне обязательно нужно будет на его могилку, – в горле встал комок, не дав договорить.

– Ну-ну, брат, крепись. Резак был хорошим человеком, ты не забывай его.

Из здания вокзала стали выходить люди, заполняя перрон. Показался поезд и, поскрипывая тормозными колодками, остановился. Гурам приобнял на прощание паренька и помог сесть в вагон. Волнуясь, он курил одну за другой папироску. Поезд тронулся и старый вор, увидев в окне Лешку, шел по перрону и махал ему вслед рукой. Неизвестно, удастся ли им встретиться?

Лешка стоял в тамбуре и смотрел в окно, мысли были прикованы к родной сторонке. Он скучал по матери, по ветхому бараку и друзьям. Что скажет он парням и мужикам, поверят ли ему, что Резак утонул в море?

Паренек начинал трезво оценивать жизнь: отец, отдавший стране лучшие годы, остался непримиримым к власти, мать, вечно ждущая его из лагерей, оставалась в нищете и унынии. Резак Серега – его наставник, погибший от руки подонка, но успевший многое ему объяснить.

Разные судьбы достаются людям, трудно изменить их, многие мирятся и живут так, как им предначертано. Да, не ко всем справедлива жизнь, но люди сами ее выбирают. Что ждет паренька, возвращающегося в родной городок? Какая судьба ему достанется? Об этом Лешка пока не задумывался.

Глава 6

Знакомство с Люберецкими

Лешка, пообщавшись какое-то время с Резаковым, стал размышлять, к какой категории лиц себя отнести. Преступник, уголовник, жиган? Но он не ворует, добывая себе средства на существование. Значит, хулиган, но судя по его положению в Юном городке, лидером шпаны Лешку назвать нельзя, хотя в определенных кругах своих сверстников авторитетом он пользуется. Назвать Лешку обычным, неприметным парнем тоже невозможно, те, кто взрослее его на три года или на пять лет уже сталкивались с ним и, пожалуй, знают, на что он способен.

После смерти Резакова, державшего Юный городок в своих руках, появились «варяги²⁴». Освободился из мест заключения «Печенег», схожий лицом на татарина. Узнав, что Резак утонул в море, он быстро освоился и повел свою политику: ограбил кто-то кого-то, делись, неси к нему часть добычи. Кто-то из пацанов обокрал в городе квартиру, и Печенег об этом узнал, от побора не уйти.

Лешка хорошо помнил, как год назад власти очищали Москву от уголовников и всех неблагонадежных отправляли за 101 километр, чтобы олимпиада прошла в полном спокойствии. Многих жуликов и неблагонадежных парней из Филевского района отправили за решетку. И вот, спустя полтора года городок стал обновляться, люди постепенно менялись.

В былые времена Резаков учил Лешку: «Если живешь по особым понятиям и придержи-ваешься законов уголовного мира, ты должен решить для себя, кто ты? Бродяга или шелупонь. Уважаешь тех, кто несет на своих плечах тяжелое бремя вора – лидера, помоги, чем можешь, но добровольно. Отдав в общак, ты оказываешь свое уважение и знай на будущее, что эти крохи, вложенные другими людьми, помогают выжить тем, кто отрицает все красное и ненавидит ментов. Бойся тех кто прикрываясь именем правильного бродяги, собирает собственный общак и вместо того, чтобы направлять собранные средства по назначению, тащит из общего котла, как последняя крыса».

По уразумению Лешки именно такой тварью и являлся Печенег. Как-то раз к Борисенку пришел его дружок Зяма, он недавно освободился из лагеря, где отбывал срок еще с малолетки за изнасилование девушки. Но, при разбирательстве выяснилось, что Зяма в этом преступлении не участвовал, а как говорили его дружки: «Проехался на арбузной корке²⁵». Весь стремный процесс он проспал пьяным, пока пять человек насиловали девушку, которую на танцах хитрыми уговорами заманили в свою компанию. Можно представить недоумение Зямы, когда милиционеры пришли по адресу, где все происходило, и арестовали его в качестве главного обвиняемого. Зяма помнил, как упал спать на диван, но каким образом оказался в кровати, совершенно не ведал. Следователи не стали сильно разбираться и Зяма пошел за «паровоза», тем более пострадавшая почему-то указала на него.

²⁴ Варяг – посторонний, чужой

²⁵ Проехать на арбузной корке – пострадать не по своей вине

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.